

Ирина Лемешева

16+

ПО ТУ СТОРОНУ ПАМ'ЯТИ

Ирина Лемешева

По ту сторону памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68100602

SelfPub; 2023

Аннотация

Такие разные судьбы и такая долгая разлука двух самых близких друг другу людей. Узбекистан, Россия, Израиль, Америка. Словно в сериале, разворачивается цепь событий – трагических и счастливых, держит в напряжении сюжет и совсем близкими становятся персонажи романа-саги. Суждено ли встретиться героиням повествования? Это вы узнаете, закрыв последнюю страницу.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
2	19
3	23
4	27
5	33
6	38
7	44
8	52
9	62
Часть вторая	69
2	75
3	82
4	93
5	104
Часть третья	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Ирина Лемешева

По ту сторону памяти

Пролог

Она хотела сына. Пацана. Мальчишечку. И, конечно, пусть он будет похож на отца.

Не очень высокий, но с фигурой, словно вылепленной рукой искусного скульптора: мощная шея, развернутые плечи, накачанные руки и крепкие ноги абсолютно идеальной формы. На нем вечно были какие-то застиранные шорты, давно потерявшие свой цвет, и чудом державшиеся на бедрах, обнажая совершенно плоский живот. Лёгкая небритость и выгоревшие волосы, спускающиеся до плеч небрежными прядями. Похоже, их владельцу было абсолютно неважно, как он выглядит.

Он был на работе. Спасатель на Сочинском пляже. Раскалённая галька под ногами, ровный шум, в котором намешано так много: рокот волн, крики чаек – резкие и пронзительные, плач детей, призывы купить мороженное или сфотографироваться с замученной обезьянкой.

Он не слышал этот шум, ставший таким привычным за несколько лет его работы. Не видел, – или делал вид, что не видел? – направленные на него женские взгляды – любопыт-

ные, кокетливые, откровенно влекущие.

Стоило ему показаться, девчонки-подростки начинали хихикать и нервно перешептываться; девушки в бикини принимали выгодные позы и снимали солнцезащитные очки; матроны постарше – напротив, очки надевали, усаживаясь так, чтобы их расплывшиеся тела занимали меньше места в пространстве, втягивали животы и небрежно опускали лямочки от купальника с пышных, словно непропеченных, плеч.

Он ни с кем не пересекался взглядом, не перебрасывался словом или шуткой. Он был на работе и от его внимания и умения сосредоточиться на главном зависели жизни людей.

И если вновь приехавшие отдыхающие ещё на что-то надеялись, то местные красотки давно поставили на нем крест. Он был абсолютно недоступен. Как горная вершина. Такой же привлекающий взгляды и такой же холодный и неприступный.

Они оказались совершенно случайно в очереди за мороженым на пляже. Был там небольшой киоск, к которому вечно клубилась очередь из отдыхающих.

– Тебе какое? – он неожиданно обернулся, когда до заветного прилавка оставалось пару человек.

– Сливочное, – чуть слышно пробормотала она, не веря происходящему.

– Два сливочных, – он расплатился и передал ей вафельный стаканчик. – Ешь быстрее – тает.

Июльский вечер был душный и не принес ожидаемой прохлады. Они долго гуляли и болтали обо всем и ни о чём. Он неожиданно оказался весьма разговорчивым, а она молчала, больше слушала, кивая и откидывая назад непослушную челку.

Он проводил её санатория, массивное строение которого светилось в темноте, словно огромный корабль.

– Давно у нас? – спросил, внимательно заглянув ей в глаза.

– Почти год, – она встретилась с ним взглядом и торопливо добавила:

– Я здесь работаю.

– Да, понятно, что не отдыхаешь, – он неожиданно улыбнулся ей – чуть снисходительно, но в то же время тепло и располагающе. И эта улыбка мгновенно изменила его лицо, которое все привыкли видеть равнодушно-отстраненным.

– А зовут-то тебя как?

– Влада.

– Вла-да, – по слогам протянул он, словно пробуя на вкус её имя. – И откуда ты такая, Влада?

– Я из Средней Азии, – ей не хотелось называть имя маленького городка, в котором прошли ее детство и школьные годы.

Он, видимо, понял, не стал уточнять и выяснять.

– А я Арсен, – он протянул смуглую руку, с крупной ладонью и неожиданно длинными и тонкими пальцами.

– Слышала, наверное?

Она смутилась, неопределенно пожав плечами. Она нечасто бывала на пляже, но от девчонок на работе не раз слышала об этом спасателе.

– Ладно, Влада, поздно, тебе уже спать пора, – он опять улыбнулся так, как взрослые улыбаются малышам. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Она медленно поднялась в свою комнатку со скошенным потолком, словно боясь расплескать то тепло, которым окутало её после этого летучего рукопожатия и его прощальной улыбки.

Часть первая

1

Она была старшей. Первый ребенок в семье, о которой перешептывались, строя догадки и предположения.

В ее родном городке не очень понимали, каким ветром занесло сюда ее мать – тонкокожую блондинку с зелёными глазами и точеной хрупкой фигуркой. Такие браки не приветствовались, да, что там не приветствовались – их просто не было в их Богом забытом городишке.

В отце были намешано немало: узбеки, таджики, бухарские евреи и даже уйгуры. У матери было проще: русские и поляки. Она была учительница младших классов, а отец работал на оптовом складе.

Постепенно ее перестали считать чужачкой и больше не удивлялись зелени ее глаз, тонкому румянцу и светлым волосам, которые она закручивала в невнятный пучок на затылке. Её любили дети и приняли родители. Попасть в класс к Ольге Петровне считалось невероятной удачей. Мамаши судачили, что общего может быть между этой небожительницей с негромким приятным голосом и горлопаном Яковом – коренастым, смуглым, с кустистыми бровями, крупными чертами лица и походкой кавалериста.

Рождение дочки он принял равнодушно – хотел мальчика. Наверное, поэтому и насчет имени не спорил – называй, как хочешь. Ольга назвала ее в честь своего деда Владислава, погибшего на подступах к Берлину.

Влада – тонкое нежное имя, которое отродясь не слышали в этих краях.

Когда из младенца Влада вытянулась в маленькую девочку, стало окончательно понятно, что ни одной точки не досталось ей по линии отца. Тонкие черты лица, нежный румянец, светлые волосы, хрупкость фигурки – все это делало её заморской птицей среди смуглых и черноволосых ребятнишек, живущих по соседству и ходивших с ней в один садик.

Такой же смуглой, глазастой и чернобровой родилась Гульнора. Трудно было представить себе менее похожих девочек, чем сестры Исмаковы.

Отец, который ждал сына, стал ещё более громким, резким и грубым. Он с недоверием посматривал на Владу, обнимая младшую дочку и хрипло бормоча : эта точно моя. Мать тяжело вздыхала, не пытаясь спорить. Она не выносила скандалов и выяснения отношений и потихоньку выходила во двор или в другую комнату. Это словно подстегивало отца, и однажды поздно вечером Влада услышала из спальни совершенно непонятный шум, как будто уронили что-то тяжёлое, короткий вскрик матери и злобное:

– Мало того, что без наследника меня оставила, так ещё эта на моей шее сидит, вся улица надо мной потешается! С

кем прижила?

И снова непонятный шум и умоляющий голос матери:

– Яша, угомонись, дети спят. Обе твои дочери, Богом клянусь!

Хлопнула входная дверь и Влада сжалась, нырнув под одеяло, стараясь превратиться в маленькую точку. В ту ночь отец вернулся под утро, долго стучал, пока мама ему не открыла.

Утром следующего дня все были дома, но отец не вышел к завтраку, а мать было не узнать. Из хрупкой сказочной феи она внезапно превратилась в замученную женщину, невероятно усталую, с потухшими глазами, вмиг ставшими бесцветными и утратившими свою зелень.

– Мама, ты плакала? Ты что, упала? – испуганно спросила Влада, не отрывая взгляда от разбитой губы матери, к которой та прикладывала свернутый носовой платочек.

– Да, милая, ударилась, пройдет, вот сейчас позавтракаем и сделаю компресс, – Ольга пыталась улыбнуться, но получалось это у нее неважно. – Должно пройти, завтра на работу.

По улице поползли слухи, стало сложно утаивать то, что происходило за покосившейся калиткой их домика. Мама ходила с заплаканными глазами, выходя на работу, тщательно пудрила лицо и начала краситься яркой помадой. Это невероятно бесило отца, приводя его в бешенство.

– Для кого намазалась? – он стучал кулаком по столу, не выбирая выражений.

Стал поздно, иногда под утро, приходиться домой. Демонстративно не снимал обувь, заносил в дом куски глины на подошвах. От него жутко пахло и этого запаха Влада боялась больше, чем отцовских криков. Собственно, этот запах и был предвестником криков и скандалов. С этого запаха начинались мамины слезы и все самое ужасное, что творилось в их доме.

– Яков запил, – судачили соседки, жалея маму.

– Ольге бы родить, сына, мальчишку, может, утихомирился бы, – качала головой пожилая Шахноза. – Слышала, как он кричал, что наследника ему надо.

– Ой, наследника, а какое наследство у него для наследника? Скоро последнее проплет, там на Ольге все держится. Ей бы девчонок в охапку – и бежать от этого изверга. Совсем озверел, – возмущалась красавица Барно.

– Легко сказать – бежать. Куда? И девочек без отца растить? – не соглашалась Шахноза. – На одну-то зарплату?

Влада, играя на улице, услышала этот разговор случайно и слово

" бежать " осталось в памяти колючей занозой.

Гульнора была единственной, кто в их семье не боялся отца. Она, едва научившись ходить, косолапила к нему, дёргала за брючину, пытаясь забраться ему на колени. Она не вздрагивала от его криков, сообщая:

– Гуля пысла, Гуля хоцит на ючки.

Отец затихал, и Ольга с Владой выдыхали с облегчением.

Когда Влада пошла в школу, отец немного утихомирился. Ему грозили серьезными неприятностями на работе, а потерять это место было бы катастрофой.

Теперь он выпивал только в выходной, но больше не кричал и не буянил, а сидел, молча уставившись в телевизор стеклянным взглядом. И это молчание походило на затишье перед бурей.

Вечерами Ольга хлопотала на кухне, пытаясь приготовить для мужа самое любимое, потом садилась за тетрадки. На ночь обязательно заходила в комнату дочек, почитать немного и просто посидеть рядом. Влада ждала этих минут, этих прикосновений такой легкой, почти невесомой маминой руки, гладящей ее волосы, она любила пошептаться с ней о прошедшем дне и физически чувствовала мягкое тепло маминой улыбки. Они не строили планов, не мечтали, да и о чём можно было мечтать? Прошел день, завтра будет другой, похожий на прошедший, как две капли воды.

Когда Влада перешла в четвертый класс, что-то изменилось. Это произошло настолько постепенно, что ей трудно было припомнить, как это началось. Сначала странные взгляды отца, короткие, летучие, которые заставляли сердце Влады учащенно биться. Она с самого детства привыкла, что практически не существует для него, что между ними нет никакой связи. И вдруг эта связь появилась – расспросы, как дела в школе, мимолётные прикосновения, так, по пути, утром или перед сном. Как-то он снял резиночку, освободи-

див ее пшеничного цвета волосы, упавшие на плечи тяжелой волной, бормоча: – Вот так-то лучше.

Другой раз посадил ее на колени, перебирая гладкие пряди и поглаживая по спине и по шее. Влада внутренне сжалась – это были абсолютно новые ощущения, но они не наполняли ее ни теплом, ни радостью. От отца дурно пахло, он тяжело и часто дышал, и Владе нестерпимо захотелось сбросить с себя его руки – со спины и с коленок.

– Ну, что как неживая? – отец потряс головой, словно хотел скинуть с себя наваждение. – Ладно, иди спать, в школу завтра.

Она юркнула в детскую, где сладко посапывала во сне Гуля, разделась и нырнула под одеяло. У них была ещё одна комнатка, поменьше, там мама сидела над тетрадками, там Влада любила читать, устроившись на широком подоконнике. Именно в эту комнату отец решил перевести Гульнору, когда Влада перешла в пятый класс.

– Всё, взрослая, чего ей с сестрой ютиться? Уроков много будет, свой угол нужен, чтоб сестре не мешать, мало ли что. За урокам засидится, к примеру. Если бы не было, возможности, если бы не было, – кряхтел он, возясь с креслом-кроватью младшей дочери. – Вот гляди, как встало. Прямо у окна. И собирать-разбирать каждый день не надо. Место есть.

Ольга молча смотрела на его старания, не очень понимая, для чего нужно было ломать привычный уклад. И где теперь проверять тетрадки? Десятилетняя Гуля шла спать рано, а

до тетрадок она добиралась только после десяти вечера, закончив домашние хлопоты.

Ольга попыталась озвучить свои сомнения, на что услышала:

– Да, я тебе со склада такую лампу принесу, с зелёным абажуром, закачаешься. И для тетрадок удобно, и Гуле не мешает спать и видеть сны, правда, дочка? – он обнял младшую, которая, похоже, единственная из всех была довольна происходящим: ну, как же – у нее теперь своя, собственная комната. Этим не мог похвастаться ни один ребенок из многодетных соседских семей.

Закончились мамины чтения на ночь. Ольга заходила к Владе пожелать спокойной ночи и шла к младшей дочке – немного почитать, пока та не заснет, и засесть за проверку диктантов и сочинений. Лампа с зелёным абажуром действительно оказалась приятной для глаз и не мешала Гуле засыпать. Такую же лампу Яков принес для старшей дочери, водрузил на письменный стол, включил-выключил, проверяя и удовлетворенно крякнул:

– Отлично!

Влада пыталась вызвать в себе теплые чувства, признательность, благодарность – вот ведь как отец заботится о ней! Тщетно. Все пересечения с ним вызывали странную реакцию: холод и оцепенение. И совершенно непонятный для нее страх.

А потом сбылись ее самые страшные предчувствия, кото-

рые она не могла внятно сформулировать, и которые копошились маленькими бесцветными червячками где-то там, на обочине сознания.

Отец стал заходить к ней пожелать спокойной ночи. Он поправлял одеяло, усердно подтыкал его, как делала мама, когда она была совсем маленькой. Через одеяло она чувствовала прикосновение его пальцев – грубых и корявых, которые, казалось, прожигали ее, как раскалённый металл. Потом на двери появилась новенькая блестящая щеколда и, входя к ней, отец запирал дверь, поднося палец к губам: тихо. Его горячие потные руки устремлялись под одеяло, под ночнушку, жадно лапали ее сверху донизу – быстро и грубо. Владе казалось, что на следующий день все ее тело будет в синяках, но этого не происходило.

Иногда он приходил поздно ночью, когда Влада уже спала, запирал дверь и включал новую лампу. А потом сбрасывал на пол ее одеяло и быстрым резким движением задирал ночную рубашку. Он сидел так, не касаясь ее тела, слегка покачиваясь и не сводя с нее взгляда прищуренных глаз. Так продолжалось несколько минут, которые казались оцепеневший девочке вечностью. А потом он тушил свет, традиционно приложив палец к губам – тихо! – и выходил, не потрудившись поднять с пола одеяло. И только тогда Влада начинала ощущать, как холодно в комнате и долго пыталась согреться под одеялом, чувствуя, как ее сотрясает крупная дрожь. Заснуть не удавалось почти до рассвета, и утром она с трудом

разлепляла веки, чувствуя как ее тормозят ладошки младшей сестрёнки:

– Влада, вставай, мама сказала вставать и идти завтракать.

Не хотелось ни вставать, ни одеваться, ни идти в школу. На уроках она сидела полусонная, не в силах собраться и слушать объяснения учителя. Оценки поползли вниз.

Она была в исключительном положении – дочка всеми любимой учительницы, работающей тут же, рядом, а потому не было никаких вызовов родителей в школу, никаких бесед.

Хотя одна беседа все-таки состоялась. Ольгу не вызвали в кабинет директора – просто в конце рабочего дня директриса небрежно бросила:

– Ольга Петровна ,задержитесь, пожалуйста.

Они долго пили чай, одни, в пустой учительской комнате, не решаясь заговорить о главном, а потом Лариса Матвеевна, глядя ей прямо в глаза, спросила:

– Ты понимаешь, что происходит?

Ольга, закусив губу, отрицательно покачала головой.

– Деточка, не молчать надо, а делать что-то, так и до беды недалеко. Потеряешь дочку. Она необычная, твоя Владочка, ей много не надо. Я не об оценках сейчас. Ты посмотри – тень от девчонки осталась, – она помолчала, а потом спросила осторожно:

– Яков?

Ольга закрыла лицо руками, плечи ее задрожали от беззвучных рыданий. Не было нужды отвечать. В таком малень-

ком городке трудно было утаить шило в мешке.

– Ну, вот что, – директриса с шумом отодвинула стул. – Постараюсь помочь. Наберись терпения.

Ольга не очень представляла, чем ей можно помочь, но согласно кивнула, вытирая ладонями мокрое лицо.

Дома ничего не менялось, и каждую ночь Влада ждала с ужасом, который шевелился где-то внутри, как клубок холодных скользких змей.

Однажды осмелилась и на ночь заперла дверь на защелку. Скорчившись под одеялом, она уже после полуночи услышала какую-то возню за дверью, стук и невнятное бормотание.

А наутро за завтраком встретила взгляд отца – холодный, как стальной клинок, об этот взгляд можно было порезаться. Обычно он уходил на работу до неё, а тут дождался, пока она закончит завтрак и вышел с ней вместе во двор.

– Ты это что надумала – дверь запираешь? От кого? – он недобро прищурился. – Смотри-ка, в прятки играть со мной вздумала! Давай без фокусов, поняла? И помни – полслова кому скажешь, – он выразительно сжал кулак.

Влада в тот день не дошла до школы. Она ушла на пустырь на окраине города и долго сидела там среди травы и зарослей мелких белых цветочков. Не было никаких мыслей, не хотелось двигаться. Уже прошло то время, когда она хотела рассказать обо всём маме. Не рассказала, интуитивно понимая – это не даст ничего, только накалит невыносимую атмосферу, царящую у них дома. Мама не в состоянии её защитить,

она сама нуждается в защите. Вот если бы у неё был брат – старший, сильный, то тогда бы... Но брата не было – была только младшая Гулька – егиза и непоседа, любимица отца.

– Боевая, – Яков с гордостью гладил ее по темным блестящим волосам. – Себя в обиду не даст.

А она, Влада, давала себя в обиду, понимая: то, что делает отец – это стыдно, мерзко и грязно. Но не с кем было поделиться, некому пожаловаться, да и боялась она, помня взгляд отца и его кулаки, тяжелые и непропорционально большие для его роста.

Всё, что она могла – уйти сюда, на любимый пустырь, на котором она в детстве так любила валяться в высокой траве и гоняться за бабочками. Её детство – счастливое и беззаботное – кончилось очень быстро.

В конце мая Лариса Матвеевна положила на стол перед Ольгой две путевки в пионерский лагерь, которые она достала по профсоюзной линии – сразу на две смены.

– Это для Владочки, – уточнила она. Пусть отдохнёт, развеемся. Лагерь в горах, территория шикарная, корпуса со всеми удобствами. Питание хвалят и коллектив хороший. Могу и тебя пристроить туда на работу, тогда Гулю можешь взять с собой – это бесплатно. Отдохнёте все вместе – чем плохо? Ну, а если нет, – добавила она, заметив взгляд Ольги, – тоже не беда. У меня племянница там – вожатая. Проведет за Владочкой, не волнуйся. И не благодари, – она спрятала тонкие пальцы Ольги в своих по-крестьянски крупных ладонях. – Благодарить позже будешь, дай-то Бог, чтобы все получилось.

В июне Влада уехала в лагерь. Известие о том, что два месяца она пробудет вне дома, восприняла равнодушно, без радости или отрицания. Аккуратно собрала вещи в баул, попрощалась с сестрёнкой и вышла из дома, не оглядываясь.

К автобусу со школьниками её проводила Ольга, которая обещала приезжать, если будет с кем добратся. А пока она смотрела сквозь пыльное

автобусное окно, чувствуя, как сжимается сердце, при виде того, как безучастно и тихо сидит ее дочка, не принимая

участие в возне и суматохе вокруг.

Она действительно приехала – два раза за всё время. Один раз одна, другой раз с Гулей. Напекла, накупила сладенького, чтобы побаловать дочку.

Влада много не говорила, только сообщила, что кормят хорошо, девочки в отряде нормальные, вожатые тоже, и через день привозят кино.

Ольга пытливо вглядывалась в глаза дочери, пытаясь понять, всё ли так хорошо на самом деле, выпрашивала подробности, но поняла единственное – домой она не просится.

Когда Влада вернулась в августе, то обнаружила, что щёлка в её комнате исчезла, оставив следы от гвоздей, а вместо неё появился замок.

Отец появился в первую же ночь, открыв запертую дверь своим ключом. Обычно он молчал, прикладывая палец к губам – тихо!

А в этот раз довольно причмокнул, разглядывая её при свете лампы с зелёным абажуром:

– Ишь, поправилась там, в своем лагере, налилась, как яблочко. Ну, чем там занималась, нагулялась небось?

Влада молчала, чувствуя, что задыхается от его запаха, что её тошнит от прикосновения его толстых корявых пальцев. А потом вдруг почувствовала, что её больше нет здесь, в этой комнатке, так уютно, по-домашнему освещенной светом настольной лампы. В этой комнате, которая должна бы-

ла быть её самым любимым местом в доме, но превратилась в самое омерзительное место на земле.

Ей казалось, что она наблюдает происходящее, как будто сверху, со стороны и внезапно ощутила невероятное облегчение, перестав задыхаться от тяжелого запаха мужчины, который был её отцом.

В начале сентября Яков, непривычно трезвый, сообщил, что его переводят по работе в другой город – областной центр. Это повышение в должности и в зарплате. И такой случай – это удача, которую надо ловить.

– Решил вас не дергать, с места не снимать. Тут и дом, и работа, и школа. Деньги буду присылать в начале месяца. С голоду не умрёте, – горделиво сообщил он. – Главное – не скучать тут без меня. И не гулять, – он выразительно подмигнул Ольге.

– Да, какие гулянки, Яков? Господь с тобой! Учебный год начался, работы полно. У меня новый класс. Забот выше крыши.

– Ну, то-то! А то ведь я в гости наезжать буду, чтобы не забывали, – при этих словах он выразительно посмотрел на Владу, которая сжалась под его взглядом.

Яков уехал, и маленькая семья ожила.

Ольга с Владой сделали генеральную уборку: перестирали занавески, перемыли окна и двери, долго проветривали квартиру, распахнув настежь все, что только можно было распахнуть, словно стараясь избавиться от малейших следов

присутствия в ней Якова.

В гости наведальась Лариса Матвеевна и за чаем сообщила, что новая должность – это ее рук дело. Она задействовала старые связи – отца бывшего ученика, который был известным человеком в области.

– Я с тобой не посоветовалась, Олюшка, не знала, как ты к этому отнесешься. Но сердцем чувствую – это к добру для всех вас. Так ведь?

– Так, так, даже больше, чем так, – Ольга вздохнула. – Спасибо вам за всё.

– Ну-ну, только без слёз, только без слёз. Плакать некогда, тебе девчонок поднимать, – Лариса Матвеевна грузно поднялась.

– Пойду. За угощение спасибо.

Жизнь потекла другая, и это было заметно даже в мелочах. На полу запестрели яркие дорожки, придавая дому ощущение уюта и праздника.

На кухонном подоконнике выстроились в шеренгу горшки с комнатными цветами, которые так любила Ольга, но которые не переносил Яков.

– Тебе что, двора мало, что в дом тащишь непонятно что? – так он отозвался на Ольгины усилия превратить дом в уютный уголок.

Она не перечила тогда – выставила все горшки под навес рядом с летней баней на ряд кирпичиков.

А сегодня она могла делать то, что ей хотелось – выращивать цветы на подоконнике, расстелить коврики, зная, что дочки аккуратно переоденут обувь при входе и не наташат в дом куски глины. Ей стало физически легче дышать и она с радостью заметила, как на глазах меняется старшая дочь – исчезла бледность и отрешенный взгляд, она больше не выглядела сонной по утрам и стала чаще улыбаться.

А потом в доме появилось это маленькое чудо, рыжее с зелёными глазами. Его, крошечного и дрожащего, принесла Гуля и, глядя в глаза матери, умоляющим голосом произнесла:

– Правда, хорошенький, мама?

Оля радостно выдохнула:

– Правда. Как назовём? – понимая, какое это счастье – быть хозяйкой в доме, принимать решения, без оглядки на кого-то, даже если это касается таких мелочей, как цветные коврики на полу, цветы на подоконнике или этот рыжий малыш, так уютно устроившийся на руках у ее младшей дочери.

Котенка назвали Мур и оборудовали ему местечко в коридорчике на старом ватном одеяле.

О Якове не было слышно ни слуху ни духу. Не было никаких обещанных денег в начале месяца. Они крутились на одну Ольгину зарплату, во многом себе отказывая, но это ощущение покоя и свободы не покидало, и каждый день, наполненный рутинными делами – работой, учебой, хлопотами по дому – был праздником. Лишь одна мысль занозой сидела в голове – что этот праздник может прерваться в любой момент.

Зима выдалась снежная и холодная, девчонки с удовольствием расчищали двор от снега, а рыжий Мур с интересом наблюдал за ними с подоконника. Он подрос и обещал превратится в крупного кота с загадочными зелёными глазами и блестящей шерсткой.

После Нового года Лариса Матвеевна попросила Ольгу задержаться после уроков. Они, как и в тот раз, пили крепкий чай в пустой учительской. Директриса хвалила успехи Влады, оценки которой улучшались с каждым днём.

– Способная она у тебя, – улыбнулась директриса. – Так

пойдет – отличницей станет. Скоро седьмой класс, о будущем её что думаешь? – и, глядя в глаза Ольги, произнесла с нажимом:

– Учиться ей надо. Учиться. И не в училище, а в университете – в Ташкенте или Самарканде. Поступит шутя. Я таких знаю – они с характером. Всего добьются. Только хотеть надо.

Ольга почувствовала, как краска заливает лицо – от счастья и от гордости за старшую дочку.

– А Гульнора моя как? – спросила она, улыбаясь и пытаясь скрыть эмоции.

– Ну, Гуля твоя всем фору даст, всех построит. Но не о ней речь сейчас, пусть подрастает, мала ещё, чтобы планы городить, – Лариса Матвеевна помолчала. – Я о другом. О Якове твоём. Не хотела говорить, но да ты сама узнаешь. Сарафанное радио, оно без перебоев работает. А потому хочу сообщить тебе из первых рук, – она налила остывший чай, пригубила, отодвинула в сторону пиалу. – А дело так обстоит, Олюшка, – сменила она рабочий тон на домашний. – Семья там у Якова нарисовалась. Жил он сначала в общежитии, а сейчас у одной разведенной поселился. Она помладше тебя будет, с дочерью живёт. Вот и думаю – что ж это я натворила? Жену без мужа оставила. Детей без отца. Худо-бедно – семья была, а я ее фактически разрушила, вот этими руками, – она пристально смотрела на свои широкие ладони, не поднимая глаз.

– Да, что вы, Ларисочка Матвеевна, что вы такое говорите! Да вы не представляете, как мы зажили сейчас, без него.

– Я-то представляю, даже очень представляю. И мне кажется, что знаю больше, чем ты. Дай-то Бог, чтобы я ошибалась, – она задумалась, а потом подняла глаза на Ольгу:

– Ну, так не в обиде ты на меня? – и не дожидаясь ответа, произнесла, словно рассуждая вслух:

– Если так – развод тебе надо оформить. А то на сегодня ты – мужняя жена. Со всеми последствиями. Подумай об этом.

Ольга ничего не рассказала детям, хотя её так и подмывало поделиться со старшей дочерью. Но между членами их семьи установилось негласное правило: не вспоминать и не упоминать даже имени главы семейства. Ольга руководствовалась принципом: " Не буди лихо, пока тихо". Она суеверно боялась, что разговоры о нем каким-то образом навлекут его физическое появление в их доме. Обещал же он наведываться в гости.

Сначала она приняла это обещание за чистую монету и ожидала его в конце недели. Но прошел месяц, другой и стало ясно – не приедет. И никаких денег не пришлёт. Что все его обещания – болтовня, дырка от бублика.

С другой стороны – алименты на двух детей, они были бы совсем не лишними. Но в глубине души Ольга понимала, что, подав на развод, она только наживёт хлопот на свою голову.

Яков всегда был скуп и прижимист для семьи: даже любимую Гулю не баловал, и она донашивала одежду старшей сестры. Да и одежды толком не было – школьная форма двух цветов – коричневая на зиму и голубая – на весну, фартуки – черный и белый – на каждый день и на праздники. Ольга помнила, как приходилось выкручиваться, чтобы купить девочкам обувь и зимние пальто. Но голые-босые не ходили и

в целом никак не отличались от соседской детворы. Им ещё повезло, её дочкам: она умела шить, и летом Влада и Гуля щеголяли в ярких ситцевых сарафанчиках на широких бретелях и с кармашками.

А потому, выслушав Ларису Матвеевну, она не стала ничего предпринимать.

Её никак не тронуло сообщение, о том, что Яков прибил к кому-то, наоборот, это повышало шансы на то, что больше он не появится в их жизни.

Больше всего после этой беседы она думала о Владе. Те горизонты, которые развернула перед ней директрисса, касаемые будущего её дочери, были совсем нереальны. Университет, Ташкент, Самарканд. Кто может это потянуть? Ну, даже если и поступит она и получит общежитие – жить на что? На стипендию? У нее нет возможности поддерживать дочку целых четыре года. Даже несколько вечерних часов в библиотеке, которые она взяла пару месяцев назад, не решали проблему безденежья.

А потому Ольга мечтала – ещё немного продержаться, после 8-го класса Влада пойдет работать, может, поступит на что-то заочно и тогда они заживут. Ну, а потом выскочит замуж. Дальше этого её фантазия не работала. Куда пойдет работать, за кого выйдет замуж в их богом забытом городишке? Об этом думать не хотелось, ибо она прекрасно понимала, что нет здесь будущего для её дочек, а особенно для Влады.

Иногда в голову приходила мысль – собрать вещи и

уехать. Но родных у неё не было, разве что троюродная тётка на Кавказе, которую она поздравляла с праздниками, покупая на почте глянцевые открытки.

А здесь всё-таки дом, работа, соседи, ставшие родными и помогавшие ей по мелочам.

К весне надо заняться двором – он у них был самый неухоженный в махалле, Якова никогда не привлекала идея своего хозяйства. А ведь можно расчистить, убрать мусор и камни, подготовить место и к осени посадить фруктовые деревья – муж Барно обещал помочь с черенками. Можно и для овощей продумать огородик и тогда будет своя картошка, и помидоры, и зелень. Девчонки уже большие, помогут. А земля здесь благодатная – соседи собирали хорошие урожаи яблок, черешни, персиков, вишни. Крутили на зиму компоты и соленья. Заносили, угощали. Их дети учились у нее и специальность педагога была в чести да и просто – её любили и жалели.

Зима выдалась ветренная и холодная. Работы было много, Ольга возвращалась домой практически ночью, а ведь надо было и поужинать, и приготовить на завтра, и проверить тетрадки. Влада не требовала к себе внимания, справляясь с домашним заданием сама, а Гуля любила посидеть над задачками и примерами только с мамой, отказываясь от помощи сестры.

Быстро кончался короткий зимний вечер; порой Ольга недосыпала, но, несмотря ни на что, её не покидало особое

чувство, которое, наверное, испытывает заключённый, вышедший на свободу после долгих лет заточения. Казалось, что ей всё по плечу, что она все сможет.

В марте ещё было очень холодно ночами, но к полудню воздух прогревался и чувствовалось, что настоящая весна не за горами. Постепенно сошёл и растаял даже смерзшийся и залежавшийся у забора снег, проклюнулась свежая зелень – трава и мелкие цветочки.

Но именно весной, которую так ждали, и пришла беда. Ольга заболела.

Поняла она это не сразу – списывала слабость и недомогание на усталость и недосып.

Первой на темные круги под глазами, которые она тщательно припудривала, и на её бледность обратила внимание Лариса Матвеевна. Заставила сходить к врачу и сдать анализы.

Она вяло пообещала, но тянула несколько недель, ссылаясь на занятость.

Директриса пришла к ним домой в выходной, отправила девчонок во двор и долго убеждала Ольгу подумать если не о себе, то хотя бы о детях. Потом припугнула, что снимет ей нагрузку в школе и заберёт часы в школьной библиотеке.

– Ты в зеркало на себя смотрела? – грозно спросила она. – Призрак ходячий. Бери больничный и поезжай на обследование в областной центр. Вот тебе телефон, спросишь Изабеллу Александровну Лифшиц. Скажешь – от меня. Полу-

чишь и внимание, и заботу, и все остальное, что потребуется. Она серьезный врач. Завтра и начинай.

Изабелла Александровна оказалась и впрямь очень внимательным и знающим врачом. Она послала Ольгу на множество анализов и отпустила домой дожидаться результатов.

Следующий визит отличался от прежнего. Врач что-то долго листала, не говоря ни слова, а потом, посмотрев Ольге прямо в глаза, спросила:

– С кем живёшь?

И, выслушав ответ, вздохнула:

– Детей есть с кем оставить?

– А что? – не поняла Ольга.

– А то, что оставляю я тебя у нас. Ляжешь на несколько дней в больницу. Надо провести дополнительные анализы, а если подтвердится – срочно начинать лечение. Неплохо бы в Москве, но начнем у нас. Надо будет – Ташкент задействуем, там тоже неплохие силы есть. До Москвы тебе не добраться, – с пониманием проронила она. – Ну, да ничего, будем тебя вытягивать на месте, – она помолчала, протирая очки белоснежным носовым платком, и добавила строго и отрешённо, вдруг перейдя на официальный тон:

– Я хочу, чтобы вы поняли – дело серьёзное, очень серьёзное. Сколько всё это продлится – сказать сложно. А потому – мобилизуйтесь, подумайте, с кем оставите детей на это время, чтобы в больнице голова о них не болела и чтобы все силы и энергия были пущены в одном направлении – на вы-

здоровление, – она сложила в стопку листики с анализами, отложила в сторону очки и добавила уже другим тоном:

– Легко не будет. Езжай домой, организуй там всё, детей пристрой, а в понедельник я тебя жду прямо с утра.

Ольга вернулась домой, когда девочки ещё были в школе. Села к столу и долго сидела, опустив голову на руки. Не было ни мыслей, ни планов, ни желания что-либо предпринимать. Да и сил не было, словно слова врача отняли у неё последнюю волю.

Она как-то вдруг резко поняла, что больна и серьёзно, что понадобится большой труд – и врачей и её, личный, чтобы вернуться к обычной жизни. Если удастся. А если нет? Что будет с девочками? Что их ждёт, когда нет никого, ни единой души на свете, которая могла бы поддержать? Обратиться к Якову? Но мысль, что её девочки будут жить в чужой семье, с чужой женщиной, была невыносима. Да, и будут ли? Похоже, что не нужны они своему отцу, который не счёл нужным хотя бы прислать весточку о себе за все это время. За Владу она спокойна – та могла бы одна перекантоваться эти 5-7 дней: и сготовить себе, и уроки сделать, и цветы полить, и за Муром приглядеть.

Она взрослая, ответственная. А вот Гулю надо куда-то пристроить.

Стук в дверь прервал ее размышления – на пороге стояла Лариса Матвеевна.

– Ну, привет, красавица наша, – они обнялись на пороге. – В дом-то приглашать будешь?

Она присела, а Ольга пошла ставить чайник.

– Я всё знаю, Изабелла мне звонила. Ты не тяни, раз надо обследоваться – значит, надо. Девчонок к себе заберу, за них не волнуйся. И в школе замену тебе найдем на недельку. Главное, чтобы с тобой всё было нормально. Да оставь ты чай, я на минутку забежала. И давай, держись. Улыбку на лицо, чтобы дочек не пугать. Я тут принесла по мелочам, положи в холодильник, будет, чем перекусить. Не до готовки тебе было, понимаю.

– 6-7 дней, – чуть слышно произнесла Ольга. – Я никогда не расставалась с ними так надолго. А если это займет больше времени?

– Да ты беду-то не кличь раньше времени!, – нахмурились директриса. – Сколько надо – столько и будешь проверяться. За дочек не волнуйся – не пропадут. Сыты будут – обещаю. А вот и они – легки на помине.

Девочки ворвались в дом – обе без шапок, в распахнутых пальто, разругавшиеся и вспотевшие.

– Что, лето пришло, что вам так жарко, или набегались? – строго посмотрела на них Лариса Матвеевна. – Вот что, девчонки, – начала она, но поймала умоляющий взгляд Ольги:

– Я сама.

– Ну, что ж, корми-пой своих красавиц, а я домой. Помни – мы обо всем договорились.

На ночь Ольга зашла к Владе и рассказала о предстоящих проверках, о том что им придется пожить у директрисы. По-

пыталась подать это легко, но по тени, набежавший на лицо старшей дочери, поняла, что ее не проведешь.

– Это что-то серьезное, мама? – чуть слышно прошептала девочка.

– Надеюсь, что нет, но провериться надо, – она слабо улыbnулась в ответ, привычным движением погладив Владу по волосам. – Жить вы эту неделю будете у Ларисы Матвеевны, она сама предложила.

– Нет, мам, я буду дома, Гулька пусть поживет у неё, а я тут останусь. Мур не сможет быть один и вообще. Я уже перехожу в 7-й класс, ты забыла?

– Да, нет, конечно, помню, что ты взрослая совсем.

– Ну, да – согласно кивнула Влада. – Через два года – паспорт. Что, я себе не сготовлю?

– Ладно, – сдалась Ольга. У нее не было ни сил, ни желания спорить. – Я наварю в воскресенье – будет тебе, что поесть – и на обед, и на ужин. На неделю хватит. Ты тот ещё едок, худющая такая, не ешь, а клюёшь, словно цыпленок.

Вечером забежала Барно. Они долго сидели с Ольгой на кухне, беседуя вполголоса.

Пришли к тому, что Гуля поживет у них.

– Ну, что она у Ларисы делать будет? – горячо шептала Барно. – Плакать и скучать. Они с моей Амирой подружки – не разлей вода, для нее же это приключение – пожить не дома. И Влада рядышком, если что. Голодные не будут, об этом и не думай. И так на семь человек готовлю, твои не

помешают.

– Спасибо тебе, Барно, – Ольга почувствовала, как на глаза наворачиваются непрошеные слезы.

– А на что друзья? – улыбнулась соседка. – А чтобы ты не волновалась – я буду тебе письма писать, как день прошёл, а Гуля будет их Ларисе передавать каждое утро. А ты вечером – звони ей домой. Из больницы, наверное, можно, а нет – так двушек наменяй – и из автомата звони. Вот и будешь в курсе всех событий. Я Рашиду уже всю голову заморочила насчёт телефона, – нахмурила она красивые брови. – Все обещает, но толку мало.

В понедельник Ольга уехала в больницу. Прощаясь, старалась не плакать, чтобы не расстраивать детей, и только в автобусе, прислонившись лбом к холодному стеклу, почувствовала, как беззвучно текут по щекам слезы. Жизнь только-только начала налаживаться, девочки подросли. Столько планов было на весну и на летние каникулы. Мечтала уехать с дочками в горы, в пионерский лагерь – она воспитателем, Влада – вожатой, а Гуля – при них. И заработали бы, и отдохнули, и надышались бы горными травами. А осенью засадили бы дворик фруктовыми деревьями и были бы свои яблоки, и персики, и вишня.

– Не плачь, дочка, – она почувствовала на плече лёгкое прикосновение чьей-то руки.

Сосед по сиденью, совсем старый, наверное, за 80. Морщинистое смуглое лицо, словно кора дерева, слезящиеся гла-

за, потерявшие свой цвет.

– Не плачь, – повторил он негромко. – Все проблемы решаются в свое время. И все плохое проходит. Вот увидишь.

Он бормотал что-то ещё по-узбекски, перебирая чётки, и Ольга вдруг почувствовала – закончились в одно мгновение её слезы, ушла жалость к себе. Всё будет хорошо. Она едет на обследование. Будет точный диагноз – будет и лечение. Она пройдет через всё ради своих девочек, которым нужна здоровая мама. Надо будет – доберется и до столицы. Главное – верить и не раскисать.

Ольгу продержали в больнице больше месяца.

Диагноз, о котором догадывалась Изабелла Александровна, полностью подтвердился и ей тут же начали лечение.

А потом ей несказанно повезло – об этом шептались и нянечки, и медсестры: на консультации в больницу приехал профессор из Ташкента – профессор Касминский – светило в области гематологии.

Он тщательно изучил её историю болезни, откорректировал план лечения, высказал надежду на благоприятный прогноз, вселил надежду.

И только потом, в беседе с лечащим врачом, задумчиво протянул:

– В Москву бы её. Там все же возможностей больше. Тянуть-то мы её будем, это бесспорно. Вопрос – сколько? Вы со мной на связи будьте все время, Константин Львович. Если что пойдет не так – в Ташкент ее заберём. Не Москва, конечно, – он покачал головой. – Не Москва. Но и мы что-то можем. А в общем – на всё его воля, – он выразительно закатил глаза вверх. А нам остаётся надеяться на чудо и самим не плошать.

Ольга вернулась домой похудевшая, бледная и слабая, с многочисленными рекомендациями от врачей, но полная надежды. И эта надежда читалась в её глазах. Да, надо приез-

жать раз в месяц на проверки, надо принимать лекарства и соблюдать определенный режим. Надо, надо, надо...

Но она дома. Дома. Она может, наконец-то, обнять своих девочек, которых за это время ей удалось увидеть только раз. Может выйти во двор, посидеть на солнышке, вдыхая эту весну, которая чувствуется уже во всем – и в синеве неба, и в зелени, так ярко отражающейся в ее глазах, и в легком ветерке, перебирающем коротенькие пряди её волос.

– Вырастет, – ответила она на безмолвный вопрос Влады.

– Конечно, мам, тебе очень идёт эта стрижка.

Навестить заходили соседи со всей махалли – и не только те, с кем отношения были близкие, дружеские. Не докучали, не расспрашивали, не сочувствовали – просто старались помочь, чем могли: едой, одеждой. А один сосед, живущий на другой улице, принёс длинный резиновый шланг.

– Слышал я, что сад разбить решила наша учительница. Вот, это для полива, пригодится, – неловко пробормотал он на пороге, оставив там же свой подарок.

Лариса Матвеевна пришла с большим тортом и цветами – пышным букетом пахучей нежно-лиловой сирени, мгновенно наполнившей ароматом всю квартиру.

Они решили, что Ольга побудет на больничном ещё немного, а там – летние каникулы. Ну, а к сентябрю – видно будет, что и как.

Лето было жаркое, сухое, но глинобитные стены дома хорошо хранили прохладу, а к вечеру зной спадал и ужинать

выходили во двор.

Рашид, работающий в Стройуправлении, прислал троих рабочих, которые привели двор в порядок, наметили место для посадок. Ольга горячо благодарила Барно, понимая, что это она позаботилась. Рашид, статный смуглый красавец с густыми бровями, отец пяти детей, занимающий не последнее место у себя на работе, в руках жены становился мягким, как подтаявшее сливочное масло.

Ольга любовалась этой парой, всего на пару лет старше её. Ей нравился их уклад, всегда чистые, опрятные и приветливые дети. Рашид работал один, Барно вела дом, в котором не было места спорам, крикам и скандалам. Не было там и какого-то богатства, но был достаток и стабильность, позволяющие красиво и правильно растить и воспитывать детей. Чувствовалось, что Рашид любит и уважает свою супругу и было приятно сознавать, что такие пары существуют не только в книгах.

К осени мечта Ольги сбылась – в её небольшом дворике разбили фруктовый сад. Руководил Рашид, а работали и помогали все, кто только был под рукой. Суетились дети: старшие – помогая, а младшие – мешая своей беготнёй. А потом сидели все вместе во дворе у соседей за большим столом, отмечая такое событие, как закладка сада.

Рашид вынес и водрузил в центре стола огромный ляган янтарного плова, дети суетились с салатами, Барно заваривала душистый чай, а Ольга сидела, каждой своей клеточкой

ощущая – вот оно – счастье!

Был погожий осенний денёк – из тех, когда ещё так тепло днём, воздух прозрачен, а время тянется лениво, не спеша, как капля прозрачного меда, стекающего с ложки. Тот, совсем недолгий период, когда небо поражает сочным синим цветом, а облака, бегущие с гор, напоминают – да, скоро, совсем скоро – настоящая осень – серая, ненастная, с затяжными дождями и стылым ветром. Но это потом. А пока неторопливо порхают, словно танцуя, медленно падающие листья и можно сидеть вот так – не спеша никуда, наслаждаясь каждым мгновением и понимая – все будет хорошо. Просто не может быть иначе.

Учебный год в семье Исматовых начался по-новому.

Первый раз за всё время Ольга не зашла в класс: Лариса Матвеевна дала ей полную ставку в школьной библиотеке.

– Посмотрим годик, как будет, – сказала она непререкаемым тоном. – Тебе отдыхать надо больше, спать, а не сидеть за тетрадками до полуночи. И вообще – заведовать библиотекой – это не класс держать. Чуть поспокойнее работа. И вообще, – она неожиданно подмигнула. – У меня свой интерес имеется. Думаю, что наши сорванцы больше читать станут.

И правда – ученики, ожидавшие, что Ольга Петровна вернётся преподавать с нового учебного года, потянулись в библиотеку. Она гладила коротко стриженные затылки мальчишек, перебирала тонкие косички девочек, удивлялась, как

выросли ее детки за это время. 4-й А, который она вела с самого начала, с того 1-го сентября, когда они нарядные, с букетами цветов, сгрудились вокруг нее, как цыплята вокруг наседки. У неё было чувство, что она бросила их на полпути, но в глубине души понимала – то, что предложила ей Лариса – это самое разумное и правильное на сегодня.

Гульнора пошла в 5-й класс, а Влада – в 7-й. У неё не болела голова за дочек – они как-то резко повзрослели за время ее отсутствия. Даже Гулю было не узнать – из озорного сорванца, проводящего бóльшую часть времени на улице, она потихоньку превращалась в девочку – спокойную, выдержанную, оставившую дворовые проказы и неожиданно пристрастившуюся к чтению. Ольга была уверена, что это влияние Дильбар – одной из дочек Барно, с которой Гуля училась в одном классе и очень подружилась в последнее время. Теперь они дружили втроём – Гульнора, Дильбар и Амира.

Проблемы неожиданно начались с Владой – она упорно твердила, что хочет работать, ну, хотя бы подрабатывать.

Ольга поделилась с Барно, та пошепталась с мужем и в конце осени торжественно объявила: все устроено. С нового года Влада выйдет на четыре часа три раза в неделю после школы в гастронорм на соседней улице. Там директором – Рашида дядя, так что всё в порядке.

– Что? Что в порядке? – Ольга всплеснула руками. – Ей летом только 14 исполнилось, кто ее оформит?

Барно лукаво улыбнулась, чуть приподняв густые, слегка сросшиеся брови:

– Так Санджар-ака меня оформит, что непонятного? Работа несложная, не волнуйся. И занятия ее не пострадают. Моя Малика говорит, что твоя Владочка – первая в классе. Работа ещё никому не помешала учиться. Вот увидишь.

Ольга сообщила дочери новости и, глядя в ее счастливые глаза, поняла, что это правильное решение. Пусть зарплата невелика – это тоже деньги и тоже помощь для семейного бюджета.

Ночью ей не спалось, а утром за завтраком она сказала Владе:

– Ты знаешь, доча, мы без твоих денег жили и дальше проживём. Ты копи, откладывай потихоньку. Так, незаметно, соберёшь себе копеечку. А потратить всегда найдется на что.

Влада задумалась, а потом молча кивнула:

– Как скажешь, мама.

Время не бежало, а летело. Вроде, только Новый год был, а уже весна на пороге.

Работа в библиотеке была несложной, но читателей стало намного больше. Ольга устраивала обсуждения прочитанных книг, тематические вечера, приглашая не только детей, но и их родителей. Она придумывала конкурсы и соревнования с призами, и народ потихоньку потянулся. Лариса удивлённо пожимала плечами:

– Ну и ну, да их на родительское собрание не дозовешься, а тут...

На Новый год к ней наведались даже из городской библиотеки и пришли в восхищение от нарядной ёлки, от снежинок на окнах, искусно вырезанных Ольгой и старшими девочками, от цветных гирлянд и длинных нитей с комочками ваты, спускавшихся с потолка.

Лариса Матвеевна нарадоваться не могла, глядя на новую библиотекаршу, отмечая вернувшийся блеск в ее глазах, её желание придумывать что-то новенькое и интересное. Со дня её работы в школе директриса не помнила ничего подобного. Библиотека, которая была местом, в котором просто выдают книги, стала по сути чем-то, напоминающим факультатив.

На проверки Ольга ездила сначала раз в месяц, потом ин-

тервал стал длиннее – до двух и до трёх месяцев. Врачи радовались, видя, как работает подобранное лечение.

Однажды на приеме вместе с Константином Львовичем сидел профессор Касминский. Перебирая анализы, он улыбнулся Ольге:

– Молодец, девочка, так держать. Мы тобой довольны. Не подвела.

Уже выходя из кабинета, Ольга услышала:

– На удивление, длительная ремиссия. Если честно, я и не ожидал. М-да, не ожидал.

Влада после школы бежала на работу, а после работы, наскоро поужинав, садилась за уроки.

Зарплату ей выплачивали аккуратно и каждый месяц она умудрялась хоть что-то, но купить в дом.

Гуля научилась помогать по хозяйству, хотя раньше представить ее с веником или шваброй в руках казалось нереальным.

А весной зазеленел Ольгин сад – проклюнулись первые ярко-зеленые клейкие листики на яблонях, вишнёвом дереве и персиках.

Рашид сказал, что урожая придется ждать несколько лет, чем очень огорчил Гульнору.

– Подождем, дочка, нам торопиться некуда. Все в своё время. Конечно, надо было раньше этим заняться, но...

– Но лучше поздно, чем никогда, – закончила Гуля любимым предложением мамы.

– Это точно, милая. Мы ещё будем есть наше вишнёвое варенье.

– И пить персиковый компот, – улыбнулась девочка.

Приближались летние каникулы, на которые Ольга с детьми не строили никаких планов. Им было хорошо дома, втроём, и не было, да и не могло быть никаких мыслей о том, чтобы поехать куда-то отдохнуть. Самой большой мечтой местной ребятни было увидеть море. И её дочери не были исключением. Но это оставалось только мечтой – несбыточной, а оттого – ещё более прекрасной. Так, наверное, мечтают увидеть горы те, кто живёт на побережье.

Гульнора хорошо рисовала и часто темой её рисунков было именно море с белым пароходом где-то там, на горизонте, или огромный пламенеющий шар солнца, погружающийся в морскую гладь. На каникулы планы были только у Влады – работать по-настоящему, а не эти четыре часа.

Ольга не вмешивалась, просто не переставала удивляться, как вдруг, внезапно, повзрослела её девочка. Она полюбила свой дворик, на который раньше у нее не было ни времени, ни желания – разве что развесить стирку. А оказалось, что так приятно ужинать во дворе с девочками или просто посидеть вечером с книгой.

А однажды, после очередного осмотра врача и сдачи анализов, она вернулась с большим свертком. Гуля прыгала во круг от любопытства – ну, давай откроем! Но Ольга решила – развернем покупку, когда все будут дома.

Так и сделали, дождавшись, когда вернулась Влада.

Девчонки просто визжали от восторга – гамак! Сплетенный из толстой светлой веревки, большой и прочный. Покупку показали Барно, и она улыбнулась:

– До воскресенья потерпите?

А воскресенье пришёл Рашид с инструментами, и все долго и шумно решали: где же лучше повесить обновку?

В такие минуты Ольга чувствовала себя членом большой и дружной семьи. О прошлой жизни, полной горечи, скандалов и унижений, она почти не вспоминала. Это был дурной сон, просто сон, а то, что происходит сегодня в ее доме – это и есть жизнь, настоящая, похожая на праздник, наполненная любовью и теплом.

В июле в гости пришла Лариса Матвеевна, одобрила дво-рик, который теперь смотрелся совсем иначе, похвалила гамак, а потом шепнула:

– Новости есть. Поговорить надо.

А главной новостью было то, что Яков опять поселился в общежитии.

– Не срослось у него что-то там, с женщиной этой. Выгнали или сам ушел – неизвестно. А что известно – пить опять начал. На работе его понизили в должности, а если так пойдет – могут просто уволить.

– А мне что до этого? – беззаботно спросила Ольга.

– Тебе? – изумилась директриса. – Ты не понимаешь? Ты его жена по сегодняшний день. Здесь его дом. Здесь его дети.

Я тебе когда говорила – подавай на развод. Непокойно мне что-то. И попроси Рашида замок сменить. А я, если узнаю что-то новенькое – сообщу.

Август выдался очень жарким, но ближе к вечеру зной спадал, словно осень потихоньку начинала осваивать свою территорию.

Надо было выходить на работу – готовить библиотеку к новому учебному году: перемыть окна, добавить полки, привести в порядок картотеку, подклеить и обернуть особо зачитанные книги – обычные дела библиотечарши. А ещё хотелось развесить по стенам портреты писателей и поэтов в тонких рамочках. И была ещё одна мечта – организовать крошечный уголок – что-то типа читального зала – прямо на полу. Шахноза обещала отдать старый коврик, останется добавить несколько подушек и там можно будет собираться и читать вслух. Это здорово подойдет для малышей.

Ольга с изумлением прислушивалась к себе – её, столько лет проработавшую педагогом, совершенно не тянуло в класс, на прежнюю должность. Она уже привыкла ложиться спать пораньше, а вставать чуть позже; привыкла к строгой тишине библиотеки, в которой даже отъявленные озорники разговаривали вполголоса. Она не несла ответственности за оценки и поведение своих учеников и не должна была больше тратить вечера на родительские собрания. А дети – её любимые ученики – всё равно были рядом. Они, как бабочки на свет, тянулись в небольшое помещение, которое Ольга изо

всех сил старалась сделать удобным, комфортным, привлекательным. Она была уверена, что многое начинается именно с того момента, когда ребенок берет в руки книгу – не по принуждению, не потому, что этого требует школьная программа, а просто по велению души, потому, что хочется, потому, что подружка посоветовала. И она пыталась стать этой подружкой – подсказать, посоветовать – и радовалась, когда читать начинали дети, совершенно не проявлявшие интерес к книгам.

А ещё – и она знала это с прошлого визита – ей предстояло на несколько дней лечь в больницу.

– Это ненадолго, – сказал ей тогда Константин Львович и, поймав испуганный взгляд Ольги, поспешил успокоить ее:

– Всё нормально, абсолютно нормально, просто иногда мы проводим более обстоятельную проверку. Нужно было раньше, но я бы хотел совместить это с приездом профессора Касминского. Он пробудет у нас неделю. Так что, 25-го августа мы тебя ждём. На 2-3 дня, не больше.

Лады?

– Да, конечно, лады.

Она ничего тогда не рассказала детям, но в начале августа сообщила Владе.

– Как вы тут без меня, справитесь?

– Ну, мам, ты прямо, как маленькая. Только мы уже взрослые, забыла?

Гуля и так у тети Барно пропадает целыми днями. И это

всего-навсего три дня. Всё будет нормально.

"Все будет нормально". Эти слова повторяла Ольга в автобусе, но на душе было беспокойно.

Почему ей предложили лечь в больницу? Разве нельзя те же анализы делать амбулаторно, как это делалось раньше? Что нового может увидеть профессор Касминский? То-го, что не видит Константин Львович? Она с абсолютным доверием относилась к своему лечащему врачу. Он умел двумя-тремя словами снять её тревожность, вселить уверенность. И да, он не профессор, но очень знающий врач. Она достаточно наслушалась о нем, когда лежала в больнице и от пациентов, и от медсестер, для которых он был Бог и царь. Его не боялись, зато любили и уважали безмерно все – от врачей-коллег и до нянечек. Что ж, раз он сказал – значит, так надо. Она вернётся прямо перед началом учебного года, а ей так хотелось провести вместе с дочками эту последнюю неделю каникул: сходить в кино, поесть мороженое в единственном кафе их городка.

И вот ещё... Гульнора... Она просто живёт у Барно. Это не дело. Да, эти соседи стали их семьёй, но Ольга предпочитала держать дистанцию – тонкую, незаметную на первый взгляд, грань. Там своих детей пятеро, так ещё и Гуля не вылезает из их дома. Да, они с Дилечкой очень дружны, просто, как сёстры, а Батыр, Дилин брат-близнец, он глаз с её Гульноры не сводит. Такие вещи всегда видны со стороны. Интересно, чувствует ли это ее дочка.

Приеду – поговорю с ней серьезно, – решила Ольга.

Автобус потряхивало на неровностях дороги, и она, незаметно для себя, задремала.

27-го августа был день рождения близнецов – Дильбар и Батыра. 13 лет. Дата. Барно очень сожалела, что Ольги не будет на их празднике.

В семье Рахимовых дни рождения отмечали с размахом – гостей было много. Если это было в теплое время года, то отмечали во дворе, и тогда гуляли всей улицей. Иногда приезжали гости из Самарканда и Хивы. Рашид ставил козлы, на них доски, сверху скатерти – вот и столы. Посуду и стулья собирали у соседей – без места никто не оставался. Гуля с утра крутилась у них на кухне – помогала, а Влада присоединилась чуть позже. Рук хватало – под руководством Барно готовили дружно, весело.

Таким же веселым было и застолье. Расходились всегда поздно – ближе к полуночи.

Когда накрыли сладкий стол, Гуля обняла старшую сестру:

– Влада, я тут ночевать останусь, а ты иди. Посуды полно, помогу тёте Барно всё разобрать. Всё равно завтра воскресенье.

– Да-да, что я тебя не знаю? Хочешь позавтракать повкуснее?

– Каждый труд должен вознаграждаться, – Гуля изрекла это с таким торжественным видом, подняв вверх тонкий

пальчик, что обе покатались со смеху.

– Ладно, оставайся, а я пойду потихоньку. Мур уже соскучился, наверно, полдня один. А тетя Барно вообще-то знает?

– Конечно, знает. Это меня Дилия с Амирой попросили помочь.

– Давай, спокойной ночи.

Дома налила молока Муру, немного почитала на ночь и легла, размышляя, какое это счастье – иметь такую большую семью и столько друзей – со всей махалли. С горечью осознала, что не может припомнить такого случая, когда им пришлось занимать стулья или тарелки. Дни рождения в их семье справляли совсем иначе. Хотя чаще не справляли вовсе.

Она погасила свет, ещё некоторое время слыша громкие голоса, доносящиеся со двора соседей. А потом провалилась в сон.

Проснулась от света и долго шурилась, не понимая – уже утро? Так быстро?

И вдруг увидела отца, стоявшего, слегка покачиваясь, в проёме двери. Его глаза недобро блестели каким-то новым, безумным блеском.

– Вот мы и проснулись, – непривычно тихо произнес он. – А где все? Ольга где? Шляется? – он грязно выругался. – Стоит уехать на работу, а она тут же за порог. – Он закрыл дверь на ключ, сделав шаг в сторону кровати. – Все вы такие, все. А ведь я сказал, что приеду навестить? Сказал. Не поверили. Мне все не верят, – он по прежнему говорил очень

тихо, непривычно тихо, одновременно расстегивая толстый брючный ремень.

Влада, оцепенев, сжалась в комочек в углу кровати, понимая, что сейчас случится что-то страшное, непоправимое. Она чувствовала, что задыхается от резкого запаха пота и алкоголя, который в мгновение разлился по её комнате, физически не давая дышать.

Яков двигался медленно, с трудом держась на ногах. Брюки упали на пол, и в это мгновение тело Влады развернулось, как стальная пружинка, и она за секунду оказалась на столе, стоявшем у окна. Мама, уезжая, попросила закрывать на ночь все окна. Не закрыла – так приятно было на улице в этот августовский вечер.

– Ты это куда? – неожиданно громко взревел Яков. – Это так ты отца встречаешь? А ну, стой! – он умудрился схватить ее за подол ночнушки – белой, в мелкий голубой горошек, которую сшила мама. Тонкая ткань затрещала от сильного рывка. Пытаясь дотянуться до беглянки, он ударился лбом о раму и зарычал от боли. Владе хватило секунды, чтобы спрыгнуть на мягкую траву за окном. Мысли путались, но она на каком-то автопилоте рванула к забору. Там, в углу, есть две доски, которые легко отодвигались – так Гуля ходила в гости к подружкам, не выходя на улицу. Влада никогда не пользовалась этим способом, но трясущиеся пальцы легко нашли нужные дощечки. За спиной она слышала крик, но она уже была во дворе соседей и, задыхаясь, бежала к дому.

В окнах загорелся свет, хлопнула входная дверь и навстречу ей уже спешили полуодетые Барно с мужем.

– Девочка ты моя, – запричитала Барно, обнимая Владу. – Что? Что случилось? – внезапно она замерла от осенившей её догадки. – Он? Вернулся?

Влада молча кивнула. Ее била крупная дрожь, хотя ночь была теплая.

– Идём, милая, идём в дом, переоденешься, – торопливо полусшептала Барно, не отпуская руки Влады, холодной, как кусок льда.

Рашид накинул рубашку и, выхватив тяжелую лопату из инструментов возле подсобки, рванул к калитке.

– Рашид, не надо, богом прошу, остановись! Милицию надо вызвать.

– Я и без милиции с ним разберусь, так разберусь, что он дорогу сюда забудет!

– Рашид, не надо, постой, он обезумел совсем, – Барно, отпустив Владу, повисла на руках мужа. – На ребенка, на дочь свою руку поднял!

Она зарыдала и снова метнулась к Владе:

– Девочка моя, скажи, он не обидел тебя? – она трясущимися руками ощупала голову и плечи Влады. – Не обидел?

Та молча покачала головой. Она равнодушно смотрела, как из дома выскочили, проснувшись от шума, Малика, Дильбар, Батыр, Амира и младший Тимур. И Гуля, её Гуля. Последней мыслью было:

– Слава богу, что Гуля осталась ночевать у тети Барно. А потом она потеряла сознание.

Крики перебудили пол улицы, кто-то вызвал милицию, не слишком надеясь на результат – в милиции было негласное правило – не вмешиваться в семейные разборки. Поссорятся – помирятся. И не дело милиции лезть в чужую жизнь.

До рассвета никто не сомкнул глаз, кроме Влады. Она спала беспокойно, металась и стонала.

– По-моему температура у неё поднялась, – прошептала Барно, коснувшись сухим губами лба Влады и пошла заваривать травяной чай.

Утром Влада с Гульнорой в сопровождении Рашида вернулись домой. За ними увязались Дия с Батыром, но Барно непривычно строго приказала им остаться и не выходить из дома.

Калитка была распахнута настежь и дверь в дом тоже. Во дворе, словно прошёлся смерч – был опрокинут лёгкий столик, на котором они ужинали, сорванный со столбиков гамак валялся на земле. Были поломаны два саженца – вишня и яблонька. Девочки застыли, не веря своим глазам: Влада, побледнев, стояла молча, слегка покачиваясь, как стебелёк на ветру; Гульнора плакала навзрыд. К ним уже спешила Барно, а Рашид, осторожно заглянув в окна, решился зайти в дом.

В доме никого не было, но царил жуткий беспорядок: были скомканы пестрые половички, скинуты на пол и разбиты цветочные горшки, так украшавшие их маленькую кухню.

Рашид прошел в комнату Влады и в коридорчике остановился, не веря своим глазам. В этот момент он услышал истошный крик Гульноры:

– Мур, ты где, Мур?

Первой мыслью было выскочить во двор, схватить обеих девочек в охапку и бежать, бежать куда угодно, подальше от этого дома.

Но Гульнора уже стояла рядом, глядя на старое ватное одеяло, на котором застыл в совершенно неестественной позе её кот, её рыжий красавец, которого она принесла домой совсем крошечным. Он был ещё жив, но не мяукал, а тяжело дышал, жалобно глядя зелёными глазами, из которых уходила жизнь.

Рашид обнял девочку за плечи, стараясь прикрыть ей глаза, но Гуля, словно обезумев, рыдала, вырываясь из его сильных рук.

Внезапно она смолкла, сжав смуглые кулачки и процедила сквозь зубы:

– Я убью его. Убью. Убью.

Рашид потряс Гулю за плечи, сжал её ладони в своих:

– Не надо, девочка моя, не надо. Господь уже наказал его безумием. И покарает еще за все грехи его.

В комнате у Влады был полный погром: скинута на пол лампа с зеленым абажуром, который треснул на три части, перевёрнута постель, выдвинуты все ящики письменного стола и сброшены валом на пол все книги с книжных полок.

В комнате Гули были распахнуты двери шкафа и разбита на части старенькая швейная машинка Ольги, та, на которой она шила летние сарафанчики для девочек.

Барно, зайдя в дом, не могла двинуться, она держалась за сердце, громко рыдая и бормоча что-то по-узбекски.

Рашид, сидя на корточках, раскачивался из стороны в стороны: то, что он увидел, не укладывалось в голове, не поддавалось здравому смыслу, и он понимал, что это утро он не забудет никогда в жизни. А ещё он не представлял, что скажет Ольге, которая должна вернуться через пару дней.

В воскресенье утром вся улица бурлила от разговоров и обсуждений. Старожилы, мелко трясая седыми бородами, утверждали, что не сталкивались с таким за всю жизнь.

Шахноза послала своих невесток для помощи Барно: надо было привести в порядок дом.

Рашид с Санджаром возились во дворе, пытаясь спасти саженцы, тщательно перебинтовывая и устанавливая палочки-подпорки. Встал на место стол, снова закачался на аккуратных столбиках гамак.

В доме тоже кипела работа: постирали и повесили сушиться во дворе цветные коврики, вернули на полки беспорядочно разбросанные книги, собрали осколки от лампы и цветочных горшков.

Зухра, старшая невестка Шахнозы, сбежала домой и принесла глиняные горшки для пересадки любимых цветов Ольги.

Предстояли еще покупки: нужно было вставить новые замки – на калитку и на дверь, установить решетки на окна. И это в их махалле, где никто не привык запираТЬ двери.

Сметая осколки от лампы, кто-то из помощниц наткнулся под кроватью на стеклянную банку, из тех, в которые закатывают компоты и соленья. В ней лежала рублевая купюра.

– Непонятно, – Барно пожала плечами. – Спрошу у Влады.

Девочка долго с непониманием смотрела на пустую банку и вдруг произнесла чужим голосом:

– Это мои деньги. Мама сказала копить, на учёбу.

Она вдруг заплакала тихо, беспомощно, не вытирая слёз. Это были ее первые слезы после пережитого.

– Доченька моя, – обняла её Барно. – Да пусть подавится он этими деньгами, изверг этот. Главное, ты в порядке, а деньги – это наживное, соберём.

И действительно, собрали. Каждый принёс или передал то, что мог.

Всех волновал вопрос: где Яков? Он, словно испарился, и поиски по всему городку ни к чему не привели.

Дом засиял привычной чистотой, но ни Влада, ни Гульнора не могли заставить себя переступить его порог.

Мура Рашид похоронил на любимом всеми малышами пустыре. Ватное одеяло сжёг там же. Долго сидел с отсутствующим выражением лица, думал, не понимая, как можно до такой степени потерять человеческий облик.

К обеду прибежала Лариса Матвеевна. Она долго сидела

наедине с Владой, нашептывая ей что-то на ухо. Девочка механически кивала в ответ, но было трудно понять, слышит ли она, понимает ли сказанное.

А потом Лариса вызвала Барно для беседы.

Ей звонила Изабелла. Ольгу отправляют в Ташкент. На сколько – неизвестно. Что-то там не понравилось в её анализах профессору. Учебный год на носу. Девочки должны идти в школу, как обычно, а потому она их заберёт к себе. Через свои каналы постарается узнать, куда делся Яков. В милицию можно обратиться, но толку от этого не будет.

Барно выслушала все молча, прослезилась, вытирая кончики глаз фартуком и вздохнула:

– Спасибо вам, Лариса-опа. За всё спасибо. Но девочек у себя оставляю. Им у нас веселее с подружками. Да и дом рядом, если взять что-то, всегда можно забежать. Хотя не знаю, как они теперь в этот дом зайдут. Особенно Владочка. А вас, храни господь! – Барно забормотала что-то по-узбекски, вытирая слёзы. – Вот беда пришла, и не ждали. Что там с Ольгой, красавицей нашей? Это сейчас важнее всего.

– Да, конечно. Я на связи с Изабеллой Александровной, а она – с врачом Оли. Пока ничего толком не понятно. Может, надо лечение поменять. Не зря её в Ташкент взяли. Значит, есть нужда. Не знаю, зря говорить не стану. Как девочкам сообщить? Они её ждут завтра- послезавтра.

– Ой, не знаю, не знаю, Лариса-опа. Молиться будем, чтобы всё утряслось. Просить и молиться.

Ольга пролежала в больнице месяц. Не случилось чуда, и анализы показали рецидив заболевания. Врачи решили, что лечение в Ташкенте – это лучшее, что можно придумать на этот момент.

Она лежала в шестиместной палате и видела, как к соседкам по комнате приходят посетители, делятся новостями, выкладывают на тумбочку передачи – соки, фрукты, домашнюю выпечку. Она была одна, совершенно одна. И ни внимательное душевное отношение персонала, называвшего её "наш ангел", ни фрукты и соки, которыми щедро делились с ней соседки по палате – ничто не могло унять её беспокойства. На ежедневном утреннем обходе она просилась домой, объясняя, что учебный год начался, ей нужно открывать библиотеку, а самое главное – она должна видеть своих дочерей.

Иногда вечером от сердобольный нянечки она получала ключ от кабинета главврача отделения, пробиралась туда и звонила Ларисе Матвеевне. А потом они договаривались на определенные дни, и в эти дни Гуля с Владой спешили в дом директрисы, чтобы поговорить с мамой, услышать её голос.

Два раза Рашиду удалось свозить девочек в больницу. Все улыбались, шутили – никто не хотел показать, что у него на душе. Ольга не посвящала дочек в свои невесёлые дела, де-

вочки не рассказали ничего из того, что произошло дома.

Ольга вернулась домой в конце сентября.

Уже были придуманы все ответы на возможные вопросы:

– А где Мур?

– Убежал и не вернулся. Найти не смогли.

– А откуда новые горшки у цветов?

– Тетя Шахноза подарила.

– А что с твоей настольной лампой?

– Потянула за шнур, не заметила как. Вот и упала. Разбилась.

– А что с нашими деревьями?

На этот ожидаемый вопрос Влада не смогла придумать вразумительного ответа.

Саженьцы, судя по всему, выжили, хотя Рашид сказал, что радоваться ещё рано.

Но ни один ответ не понадобился.

Ольга не спросила ничего.

Она прошлась по дому, осторожно ступая, как незрячая, пробуя на ощупь знакомые предметы. Полила цветы на окне. Заметила новый замок и решетки на окнах. Посидела во дворе, невидящим взглядом глядя на свой садик.

Дома было полно еды, но она отказалась, сославшись на усталость, и очень рано легла спать.

Через несколько дней, улучив момент, когда Гуля вышла к подружке, она позвала в спальню Владу.

– Садись, – показала взглядом.

Девочка присела на край кровати. Они говорили долго: о жизни, о школе, о будущем, а потом Ольга, погладив руку дочери, произнесла чуть слышно:

– Уезжать тебе надо, доченька, отсюда. Уезжать. Чует мое сердце, не оставит он тебя в покое, а жить в вечном страхе за решетками и замками – не дело это. Не дело, – её пальцы бессильно гладили руку дочери, и эти прикосновения напоминали касания легкого перышка. – И вообще – что тебе здесь делать? Работать всю жизнь в гастрономе? Лариса говорит, что ты способная и что тебе учиться надо. Вот закончишь, дай Бог, 8-й класс и поедешь. Я уже и письмо тебе в дорогу написала.

– А ты, мама?

– А что я? Я буду в порядке. И Гулечка здесь, как рыба в воде. А тебе другая вода нужна, другая. Я это давно чувствую, – Ольга улыбнулась. – Ну, ладно, иди, а то устала я что-то, посплю. А письмо в шкафу найдешь, под полотенцами.

Осень выдалась дождливая, холодная. Уже к концу октября зачастили дожди. Рваные, набухшие влагой облака неслись, наливаясь свинцовой тяжестью, ежеминутно меняя форму и размер, опускаясь на крыши и цепляясь за голые ветви деревьев.

Ольга полюбила сидеть у окна, облокотившись на подоконник, на котором частенько сидел Мур.

Она не спросила ни слова о решетках, лишь один раз с

горькой улыбкой произнесла:

– Небо в клеточку, как на уроке математики.

Влада по-прежнему бегала после школы на работу в гастроном, правда, уже пять дней в неделю. Вся её зарплата шла в дом, но денег все равно катастрофически не хватало.

Очень помогали соседи, и Лариса Матвеевна заглядывала частенько, приносила что-то вкусненькое, рассказывала про школу, про библиотеку. Иногда она прикрывала дверь в спальню, и они о чём-то долго шептались с Ольгой.

В конце декабря выпал первый снег. Он начался вечером и валил крупными пушистыми хлопьями. Ольга очень любила зиму, именно такие волшебные вечера, наполненные необыкновенной тишиной, когда в природе исчезали все краски и оставался только один цвет – праздничный и торжественный. Да, это завтра на этой белизне отпечатаются чёткие следы птиц, людей, санок; ещё через пару дней она потемнеет, снег станет серым, рыхлым, ноздреватым и потеряет своё очарование. А пока... Пока такое наслаждение наблюдать за этим мягким кружением беззвучно падающих хлопьев, так быстро и заботливо окутывающих землю.

Они не ставили в этом году ёлку, просто, не сговариваясь, не поднимали эту тему. Но в один из дней Гуля принесла из школы большую матерчатую сумку, наполненную всякой всячиной.

– Это тебе, мама, – с гордостью сообщила она, выуживая гирлянды, фонарики, снежинки – всю эту мишуру, которой

Ольга так любила украшать окна и стены перед Новым годом.

– Нравится? – счастливо улыбалась младшая дочь. – Правда красиво? Это ребята тебе сделали, в библиотеке. Не так уж всё идеально, – добавила она, поведя плечом. – Снежинки мы с Владой красивее вырезаем, ну, да ничего, тоже пойдёт. Если хочешь – мы тебе ещё вырежем, – торопливо добавила она, вопросительно посмотрев на мать.

– Всё отлично и всё красиво, – счастливо улыбнулась Ольга. – Лучше и не надо. Передай ребятам спасибо от меня. Вот к весне, чувствую, выйду на работу и всех научу вырезать наши снежинки.

– Так весной кому нужны снежинки? Весной нужны цветы.

– Пусть цветы, – согласилась Ольга, легко улыбнувшись. – Пусть цветы.

Она умерла 1-го марта, тихо, как угасает свеча. Силы покидали её постепенно, пока их просто не осталось.

Её хоронили всей школой – и были цветы. Много цветов – и живых, и сделанных руками детей. Плакали педагоги, и совершенно оцепенели дети, ещё помнящие негромкий голос и улыбку Ольги Петровны.

Гульнора не прекращала плакать – и на кладбище, и когда они вернулись домой, а Влада словно застыла в своем горе.

Несколько дней они ночевали у Барно, а потом жизнь вернулась в свою колею: школа у Гули, школа-работа у Влады.

Весна вступала в свои права. Небо, очистившись от тяжёлых зимних туч, налилось синевой – неестественно-яркой, как на картинке. Проклюнулась листва на окрепших саженцах – казалось, что эти нежные, ярко-зеленые листочки радуются, что кончилась холодная зима.

Влада любила заниматься во дворе. В будни это не удавалось, а в воскресенье она выносила учебники и тетрадки во двор и устраивалась за столиком, на котором они так любили ужинать.

Как-то заглянул Рашид, любовно погладил крупной ладонью стволы саженцев – вроде, выжили!

Влада стояла рядом молча и вдруг почувствовала непрошенные слёзы. Это были её первые слезы с того дня, когда не стало Ольги.

– Ну, ну, успокойся, девочка, – встревожился сосед. – Все хорошо, смотри. К осени снимем повязки, уберем подпорки, а ещё несколько лет – и дай бог, будем собирать урожай.

– Мама, – прошептала Влада. – Она так хотела сварить вишневое варенье. Так мечтала.

Вечером сидели у Барно за большим пловом, а потом хозяйка отвела Владу в смежную комнатку.

– Поговорить надо, дочка, – обняла она Владу за плечи. – Ты восьмой класс заканчиваешь, учишься лучше всех – от Малики знаю. А дальше что? – она вздохнула. – Не хотела бы Ольга, чтобы ты застряла на всю жизнь в гастрономе этом. Санджар тобой очень доволен. Но ты должна строить

свою жизнь так, чтобы мама твоя, сверху глядя, тоже была довольна. Не бойся ничего – у тебя сильная защита есть, я чувствую. – Барно подняла глаза и зашептала что-то по-узбекски.

Затем, вытерев глаза, произнесла:

– За сестру не волнуйся, она у нас останется. Где пять – шестая не будет в тягость. Они с Амирой и Дильбар, как сестры. И мы все о ней позаботимся. А ты должна свой путь выбирать. И помни – где бы ты ни была, у тебя всегда есть дом и семья. И тебе всегда есть, куда вернуться, – она обняла девочку, и они долго сидели так, молча, думая, каждая о своём.

Дома Влада дрожащими руками открыла шкаф. Вот они, полотенца – старенькие, застиранные. Она ежеминутно помнила об этом письме, но не решалась прикоснуться. Два листика, без конверта, и фотография – они с Гулей – совсем ещё маленькие, смешные, в шапочках с помпонами.

Она долго читала и перечитывала аккуратные строчки, написанные родным почерком, постепенно вникая в смысл. Слезы капали на листики в клеточку, вырванные из тетрадки, и скоро Влада уже не видела ни букв, ни строк.

Часть вторая

1

Она родила девочку – маленькую, со светлым пушком на голове, без бровей и ресниц. Крошечные пальчики, расфокусированный взгляд светлых глаз.

– Наш ангел, – прошептал Арсен, впервые взяв дочку на руки.

"Наш ангел" – Влада помнила, что так называли её маму медсестры и нянечки в ташкентской больнице.

Она вообще хорошо помнила эти пару лет перед отъездом – день за днём, день за днём.

Это был страшный период, когда болела мама, а потом она просто тихо ушла в другой мир, туда, где нет врачей и больниц, ремиссий и рецидивов, лекарств и бесконечных анализов.

В том, последнем письме, она оставила адрес своей троюродной сестры, живущей в Адлере. Они были неплохие люди, и с ними все было обговорено заранее.

Влада до мелочей запомнила сборы, долгое прощание с Гулей и её слезы. Тонкую серебряную цепочку с подвеской, которую повесила ей на шею Барно, прошептав: это твой талисман, береги его, дочка. Всё будет хорошо.

Она дословно помнила мамино письмо, в котором та брала с неё слово закончить десятилетку.

Закончила в Адлере. Два года в семье, которую она так и не сумела почувствовать родной. Тетя Галя и дядя Витя. Троюродная сестра мамы, так непохожая на неё. Влада старалась быть незаметной, не мешать, помогать по хозяйству. Но каждой клеточкой чувствовала – это временное пристанище, она здесь лишняя, её не любят, а всего лишь терпят. Как-то услышала, как дядя Витя говорит жене:

– Вроде, неплохая девочка, но дичок, не подступиться к ней.

– А ты знаешь, откуда она приехала? То-то и оно, – тетя Галя перешла на шёпот, и больше Владе не удалось услышать ни слова.

Когда, после окончания школы, она сказала, что уезжает, то почувствовала неприкрытое облегчение хозяев.

– А собралась-то куда? – дядя Витя в первый раз за два года проявил к ней интерес. – Домой? Ольга писала, что тебе там делать нечего. А хочешь в Сочи? – неожиданно спросил он. – У меня там друг детства – директор большого санатория. Возможностей у него побольше, чем у нас, пристроит тебя куда-нибудь. Без крыши не останешься, да и на кусок хлеба заработаешь. Ну, а там видно будет.

Тетя Галя в конце немного оттаяла, просила не пропадать, писать, приезжать в гости. Даже обняла на прощание, и Владе вдруг стало нестерпимо жалко эту пару, единственный

сын которых несколько лет назад уехал на Дальний Восток и давал о себе знать только открытками по праздникам.

Так она попала в Сочи. Санаторий и впрямь был огромный с большим зелёным парком и собственным пляжем.

Кабинет Самвела Георгиевича нашла не сразу, робко постучала, держа в руке записку от дяди Вити.

– Проходи, проходи, с приездом! Присаживайся, отдыхай, – он внимательно оглядел девушку.

– Наслышан. Виктор мне звонил, помочь просил. А если друг просит – это святое. Как зовут, говоришь? – он небрежно отложил на край стола протянутую записку. – Влада? Имя какое-то иностранное. Не русская что ли? Да сумку-то свою поставь, а то вцепилась – не оторвешь. Никто не заберёт, – усмехнулся он. – А вообще – будь осторожна. Сочи – это тебе не шутки! Город-курорт! Море, тепло. А к морю и теплу кто тянется? Правильно, отдыхающие и ещё разная шушера-мушера. Со всего Союза к нам едут, на фрукты. Ну, да ладно, это я тебя потом проинструктирую – что да как. Жить пока будешь здесь – всё же под присмотром, да и бесплатно.

Он подмигнул, встал из-за стола, подошёл к Владе и потрепал её по плечу. Заметил, как замерла она под его ладонью.

– Да ты, девочка, не бойся никого, пока Самвел тут. У меня дочка старше тебя. А насчёт работы – определим тебя на уборку комнат пока, а там видно будет.

Он задумался на минуту, помолчал, потом ударил ладо-

нюю по столу, словно приняв какое-то решение.

– Питаться будешь в столовой нашей – после всех, с персоналом, талоны выдам. Ну, а жить в мансарде. Слышала такое слово? Как в Париже. Вот пока и всё. Завтра можешь приступить. У нас тут по хозяйству Лидия Владимировна главная, под ее руководство ты и поступишь. А пока пойдем, жилье твоё покажу и где Лиду искать. Если тобой будут довольны – и ты будешь довольна, обещаю.

Её комнатка оказалась маленькой, со скошенной крышей и всем самым необходимым: кровать, тумбочка, стол, стул и небольшой шкаф.

– Вида на море тут нет, сама понимаешь, – подмигнул Самвел Георгиевич. – Но, да море от нас в двух шагах. Свой пляж имеем, – с гордостью добавил он. – После работы всегда можно пройтись, позагорать, искупаться. Плавать-то умеешь?

Влада молча покачала головой.

– Научишься, было бы желание. Ну, да ладно, устраивайся, отдыхай, заболтал я тебя. Да, постарайся Лидии Владимировне понравиться – она у нас женщина строгая. А если что понадобится – я у себя в кабинете. Не стесняйся. Виктору сегодня позвоню, что все в порядке.

Он вышел, и Влада осталась одна, всё ещё не веря своему счастью. У неё своя, такая симпатичная комнатка. А вид из окна? Да разве за этим она сюда ехала?

Она будет работать, накопит деньги, поступит заочно

учиться. А потом, потом вызовет к себе Гульнору. И всё будет хорошо. Она вспомнила слова Барно: чтобы мама, глядя на тебя сверху, была довольна.

Вечером за ней забежала рыжая кудрявая девушка.

– Анжела, – она с улыбкой протянула руку. – Я от Самвела. Ты обедать-то собираешься? Или на диете? Да, тебе оно, вроде и ни к чему. Пошли, заодно и познакомишься с коллегами.

Она тряхнула гривой непослушных кудряшек.

– Ты, главное, Лидии постарайся понравиться. Она у нас строгая! – повторила она слова Самвела.

Работающих в доме отдыха оказалось немало. Обедали они после обеда отдыхающих за символическую плату и сидели группами за круглыми столами.

– У нас тут свой порядок, – объяснила Анжела, смешно морща веснушчатый носик. – Прямо, как в средние века. Вон там – медсестры и физиотерапевты, тот стол – для официантов, там – администрация, а мы – борцы за чистоту – вот здесь, – она кивнула на стол у стены. Да, не робей ты, в самом деле. Никто тебя не съест. Пошли за подносами, – она подтолкнула Владу в спину. – Вот я балда! – Анжела вдруг резко остановилась. – Талоны! Талоны для столовки тебе Самвел передал, а я в подсобке оставила. Ты набирай пока. А я мигом. Одна нога тут – другая там! – уже на ходу крикнула она.

– Вот балаболка! – к Владе с улыбкой подошла женщина средних лет. – Это ты новенькая? Ну, давай знакомиться. Я

Лидия Владимировна, – она протянула руку. – А ты Влада. Знаю, знаю. Самвел рассказал. Добро пожаловать! Сегодня отдохни с дороги, осмотришься. А завтра с утра и приступишь.

Обед оказался вкусным, коллеги, как их называла Анжела, – приятными, общительными. Никто на неё не пялился, все были заняты своими разговорами. Лидия Владимировна совершенно не производила впечатления строгой начальницы, которой надо постараться понравиться. И Влада, впервые за долгое время, почувствовала, как что-то отпускает её внутри, словно медленно спадают, скользя, тяжёлые верёвки, которыми она была опутана уже так давно. Она ощутила в душе давно забытое тепло и мысленно поблагодарила дядю Витю.

Работа оказалась несложной: убратся пылесосом, вымыть ванную и туалет, перестелить постель, сменить полотенца, протереть окна и зеркала. В некоторых комнатах были цветы, которые Влада любовно поливала, вспоминая подоконник, уставленный любимыми цветами мамы.

Она взяла с Гули слово, что цветы будут в полном порядке. Прошло только два года, как она покинула дом, а казалось, что не была там вечность. Она скучала по маме, по Гуле, по своему дому и дворику. Ей не хватало соседей, которые, по сути, были её семьёй. В эти минуты она сжимала в руке талисман Барно, вспоминая её слова: ничего не бойся, у тебя сильная защита есть.

После работы за ней часто забегала Анжела, и они иногда загорали, иногда просто гуляли по набережной, и Влада вспоминала Гулю, её рисунки с синим морем, белым паромом и пламенеющим закатом.

Всё это было теперь частью её жизни – и море, и пальмы, и белые пароходы, и закаты – ко всему этому она привыкла очень быстро. Если живёшь рядом с красотой, не то, что перестаешь её замечать, просто устаешь восторгаться. Ну, да, море, ну, да, красиво, а дальше что?

Вечерами Анжела бегала на танцы, но сколько не уговаривала Владу – всё было напрасно. Сначала она находила причины, чтобы отказать: устала, голова болит, надеть нечего, а потом сказала коротко:

– Нет, Анжела, не мое это. Не зови.

Полюбила гулять одна даже вечерами, после заката, когда хорошо думалось в тишине под мерный шум набегающих волн. Собирала красивые, необычной расцветки, ракушки, мечтая, как привезет их Гуле и маленькому Тимуру.

А потом они встретились. Сливочное мороженое, которое таяло мгновенно, липкими струйками капая на платье и пачкая руки. Ей не верилось, что рядом с ней идёт он – красавчик, по которому страдала большая часть посетительниц их пляжа. И что именно он угостил ее этим мороженым.

Это потом Арсен рассказал, что он давно обратил внимание на неё, в одиночку бродившую по побережью.

– Я сначала думал, что ты клад ищешь, ну, не клад, а знаешь – колечки, цепочки, серёжки. Их постоянно теряют, а ты – ракушки.

Они долго смеялись тогда, представляя, как Влада возвращается в свою комнату с богатой добычей.

Встречи постепенно стали чаще, о них узнала Анжела, случайно встретившая их, возвращаясь после танцев.

– Ну, ты даёшь, тихоня, – удивилась она. – Такую рыбку выудила.

– Да мы просто друзья, – смутилась Влада.

– Ну, да, конечно, – улыбнулась подруга. – Друзья. С Арсеном. Это ты кому-то другому расскажи, да и другой навряд ли поверит.

– Как хочешь, – Влада пожала плечами. – Можешь не верить. Мне всё равно.

Больше они к этой теме не возвращались.

Самым интересным было то, что они действительно просто дружили. Он не делал никаких попыток взять приступом эту крепость. Не дарил цветов и подарков, не говорил красивых слов. Болтали на отвлеченные темы. Не ухаживал в общепринятом смысле этого слова. Он несколько раз предложил ей уроки плавания, она вяло отбивалась – почему-то не чувствовала море своей стихией и не испытывала желания с ней сближаться.

Он рассказывал о своей работе, в которой было немало смешных и курьёзных моментов, она – о девчонках, об отдыхающих. Глубже никто не копал, не решаясь разрушить тоненькую стеклянную стеночку и перейти границу.

Как-то она поделилась планами на будущее – хотела поступать заочно на педагогический, быть, как мама.

– А в каких классах твоя мама преподаёт? – неожиданно спросил Арсен.

– Мама? Она умерла, когда я была в 8-м классе.

– Прости, – они помолчали. – А отец?

– Отца у меня нет. Просто нет, – неожиданно жёстко ответила Влада и вдруг разрыдалась.

Так она не плакала, даже прощаясь с мамой.

– Ну, что ты? Что?– Арсен обнял её за плечи, прижав к себе. – Что ты, Ладочка? – он впервые назвал ее по имени, немного сократив, а она вдруг почувствовала, что между ними больше нет границ, что этот парень – спасатель с сочинского пляжа – стал незаметно для неё очень близким человеком, от которого больше не хотелось прятаться за стеклянной перегородкой.

Они почти до полуночи просидели тогда на остывающей гальке пустынного пляжа.

Он молчал, а она говорила. Рассказывала про маму и её болезнь, про Гульнору и её рисунки. Про Барно и Рашида и про всю их махаллю. Про вид из окна – синеющие вдалеке горы с белоснежными шапками на вершинах и про садик, ко-

торый совсем скоро должен дать первый урожай. Про то, как здорово весной собирать в степи тюльпаны, про любимый пустырь на окраине городка с такой высокой травой весной и золотистым морем одуванчиков. А ещё про то, что зимой у них холодно и надо расчищать дворик от снега, а летом жарко и сухо и совсем не хочется обедать – достаточно лепешки и грозди черного винограда без косточек.

Она рассказала обо всём, только ни разу не упомянула об отце.

Он слушал внимательно, пальцами вытирая её слезы, нежно перебирая пряди волос и ни на секунду не выпуская из своих объятий. Не задавал вопросов, считая, что она расскажет обо всём сама и умолчит о том, для чего ещё не пришло время.

В ту ночь он привел ее к себе – в маленький двухкомнатный домик, и они не заснули почти до рассвета.

На работу Влада опоздала на полчаса, что не прошло незамеченным.

Лидия Владимировна ничего не сказала, только посмотрела озабоченно, а днём ее вызвал к себе Самвел Георгиевич.

За год работы это был впервые. Они встречались иногда по несколько раз в день – в столовой, на лестнице, но всё ограничивалось приветствием и дежурным: " как дела? – все в порядке, спасибо". Иногда не пересекались по несколько дней подряд. Но Влада интуитивно ощущала, что её помнят и интересуются ею через Лидию.

Поэтому шла в кабинет директора на ватных ногах, репетируя, как будет извиняться за опоздание.

Самвел встретил ее радушно, пригласил присесть, налил воды из графина.

– Что-то не видно тебя Влада-джан, – начал он издалека. – Не заходишь, не жалуешься ни на что и ни на кого. С Лидией поладила, как я понимаю?

Влада молча кивнула.

– Отлично-отлично, – Самвел побарабанил пальцами по полированной столешнице большого стола. – Она тобой тоже довольна. И пунктуальностью твоей и качеством работы. Никто ещё не жаловался, это хорошо, хорошо, – протянул он задумчиво. – А вот сегодня, – он выразительно замолчал.

– Простите, Самвел Георгиевич, – торопливо забормотала Влада. – Это больше не повторится. Обещаю. Честное слово.

– Тебе восемнадцать уже есть? – неожиданно спросил директор.

– Да, – растерянно произнесла Влада. – Летом было.

– Ну, да, ну, да, взрослая, понимаю. Хочу только сказать тебе, дочка, что от одного неверного шага, иногда такого маленького и незаметного, может вся жизнь полететь к чертям, – он задумался, налил себе воды, помолчал. – Я за тобой нянькой не приставлен, да и большая ты уже. Но присматривать за тобой Виктору обещал. Он мой друг с детства, а друг – это святое.

Влада кивнула.

– А потому, вызвал тебя предупредить – не зная броду – не лезь в воду. Думай. Ты девочка толковая. Если б рядом мама была, или отец, а так... В общем, поняла ты меня. А я на тебя надеюсь, чтоб мне перед Виктором потом краснеть не пришлось. Пока так. Возвращайся к работе.

Даже этот разговор и напутствие Самвела не смогли испортить ей настроение: работа кипела в ее руках, все спорилось и ей казалось, что ещё немного – и она взлетит от счастья, наполняющего её тугой волной.

Её настроение не укрылось от Анжелы, с которой они привычно сидели рядом на обеде.

– Ты сегодня прямо искришь и сверкаешь, – заметила она и проницательно добавила:

– Влюбилась?

Влада промолчала, удивившись про себя, откуда все всё сразу понимают. Ну, опоздала на полчаса, первый и единственный раз. И что?

После работы Арсен ждал её на привычном месте. Они долго гуляли и, проводив её до санатория, он спросил:

– Я поднимусь?

– Ты что? – Влада испуганно замахала руками. – Самвелу сразу доложат.

– И что? – изумился Арсен. – Ты, вроде, совершеннолетняя. Он тебе не мама и не папа. Или ты ему подписку давала, что ещё пять лет не выйдешь замуж?

– Замуж? – Влада подняла глаза, не веря услышанному.

– Ну, да. А что такого? Я же не на Марс тебе предлагаю слетать. Если честно – я всегда мечтал, как буду ходить к тёще на блины, а вот тут такой случай. Что ж, обойдёмся без блинов.

– Я умею делать блины, меня мама научила, – чуть слышно прошептала Влада.

– Вот, а столько времени молчала, – Арсен привлек её к себе, нежно проведя ладонью по затылку:

– Ты только представь, какие красивые будут наши дети. Представляешь, девочка с твоими глазами и твоей фигурой.

– Я бы хотела мальчика, – робко произнесла Влада. – Чтобы был умный и сильный.

– Будут, и мальчик и девочка, – Арсен сжал её ладонь в своей. – А насчёт сегодня – ты, конечно права. Не буду я заходить, потом разговоров не оберёшься. Ты просто скажи Самвелу своему, что до Нового года переедешь ко мне. Не забудь, – он приник к ней долгим поцелуем и, не оглядываясь, зашагал домой.

В декабре Влада, поддавшись настойчивым уговорам Арсена, переехала к нему. Да, до работы теперь надо было идти с полчаса, но зато они могли быть вместе.

До этого состоялся разговор с Самвелом, к которому Влада пришла, чтобы сообщить о том, что освобождает свою комнату.

Самвел долго молчал, барабанил толстыми пальцами по столешнице, а потом вздохнул:

– Смотри, девочка. Советовать я тебе права не имею, ты уже взрослая, да и не родня я тебе. И кроме того, разве ты меня слушаешь? Любовь, она советов не любит. На свадьбу-то пригласишь? Когда наметили? Весной?

– Конечно, Самвел, Георгиевич. Вы будете наш первый гость. Вы столько для меня сделали, если бы не вы...

– Ладно, ладно, ничего такого я не сделал. И не надо тут лужи разводить, на улице и так сыро, – он похлопал ее по руке. – Виктор знает, что ты замуж собралась?

– Ещё нет, но они с тётей Галей, конечно будут приглашены.

– Ну, вот и славно, вот и славно. А то живём вроде и недалеко, а встречаться почти не получается. А тут повод будет, – он помолчал, а потом добавил, откашлявшись:

– Зарплату я тебе постараюсь прибавить, не сильно, ко-

нечно, но в хозяйстве любая копейка не лишняя. Счастья, тебе, Влада-джан!

Влада вылетела из кабинета, словно на крыльях. Как всё замечательно устроилось, Самвел принял её сообщение достаточно положительно, а ведь она, сама не понимая почему, побаивалась его реакции.

Анжела протянула скучно:

– Поздравляю. А свадьба когда? Пригласишь, надеюсь?

– А ты ещё сомневаешься? – улыбнулась Влада. – Будешь моей свидетельницей?

Она переехала и в первое же воскресное утро напекла на завтрак блинов – тоненьких, в дырочку, по маминому рецепту и была счастлива видеть глаза Арсена – радостно-удивленные.

С утра, когда она уходила на работу, Арсен ещё спал.

– Такая доля у спасателя – не сезон сейчас. Некого спасать, – объяснил он Владе. – Вот и спускаем зимой то, что летом заработали. Хорошо, что у тебя работа такая. Вдвоём не пропадём, – он обнял ее и закружил по комнате. Потом поставил на ноги и сказал серьезно:

– С голоду не умрём, обещаю. К тому же, у меня по вечерам подработочка появилась.

Подработочка была не каждый день, но это очень угнетало Владу. Что же это получается? Она приходит домой, они вместе ужинают, а потом он уходит, а она остаётся одна в этом домишке с незакрывающейся калиткой. Намекну-

ла как-то Арсену, что ей неуютно одной вечерами и неплохо бы калитку починить. Он посмотрел удивленно:

– Ты боишься? Кого? А я думал, что у меня самая боевая жена на всём побережье. Ну, если хочешь – купи замок, я не против. Хотя, у нас очень спокойное место.

И дальше покатилося. Владе очень хотелось привести в порядок этот маленький домик, вдохнуть в него тепло, уют, краски – точно так, как когда-то это делала мама.

Арсен ничему не противился – ни занавескам, ни коврикам, ни новым кастрюлям. Кивал нейтрально: покупай. Денег на эти задумки Влады он не выделял. Про свою подработку не рассказывал ничего. Иногда приходил под утро, а чаще до полуночи. Иногда радостно-возбужденный, а порой – потухший, без настроения.

– Ты меня не жди, ложись спать, тебе ведь утром на работу, – и заботливо добавлял:

– В твоём возрасте надо спать 7-8 часов.

Воскресенье он проводил дома: они поздно вставали, валяясь в постели почти до полудня. Основательно завтракали, а потом шли прошвырнуться по побережью. Влада охладела к ракушкам и если подбирала, то только самые интересные: нестандартные по форме и цвету. Потом они шли в маленькую кофейню, где пили душистый, чуть горьковатый кофе, который готовил старый армянин Ашот. Выходной пролетал незаметно.

К началу весны Влада отправила два письма – одно Гуле,

второе дяде Вите и тётке Гале. Сообщила, что у неё всё нормально, работает и скоро выходит замуж. Она не говорила на эту тему с Арсеном, терпеливо ждала, но никаких разговоров о свадьбе не было.

А была обыкновенная повседневная жизнь: дом-работа.

Влада, как могла, украшала их домик, приобретая разные мелочи. Хлопотала вечерами на кухне, старалась порадовать Арсена вкусными обедами.

Как-то в воскресенье он, съев тарелку борща, довольно улыбнулся:

– Какая мне жена досталась! Просто клад, а не жена! А добавки можно?

– Добавка на плите, – коротко ответила Влада. – Налей сколько хочешь.

А потом, помолчав, добавила:

– А разве я тебе жена?

Арсен добавил в тарелку ещё пару половников, вдыхая необыкновенный запах борща – густой и душистый.

Он ел, щедро добавляя сухарики и жмурясь от удовольствия, а потом спросил:

– Ты серьезно? Тебе действительно нужна эта свадьба? Без неё никак?

– Да, разве в свадьбе дело? – Влада обиженно замолчала.

– А, печать, – понятливо закивал Арсен. – Печать в паспорте. Я правильно понял?

Влада почувствовала, что ещё немного – и она расплачет-

ся – и от его чуть насмешливого тона, и от того, что ее не понимают, а самое главное – что все его обещания оказались пустыми. Он ей просто вешал лапшу на уши – так любил говорить её отец, и это выражение, которое она не могла понять, навечно засело в памяти.

– Да, печать, – она отвернулась к раковине, складывая посуду, чтобы он не увидел ее непролившихся слёз.

– Ладочка, – он подошёл сзади и сомкнул ладони у неё на груди. – Ну, ты что? Ведь у нас семья, и нет никакой разницы – с ЗАГСом или нет.

– Для меня, для меня есть разница! – почти выкрикнула она. – Что я скажу Гульноре, тёте Барно, тёте Гале с дядей Витей, Самвелу Георгиевичу? Что просто перешла жить к мужчине?

– О! Я же забыл, откуда ты приехала, – Арсен попытался обратить всё в шутку. – У вас так не положено. Все строго. Точно?

Влада застыла от обиды и унижения.

Арсен понял, что перегнул палку.

Он торопливо забормотал, что у него сейчас не сезон, подработка не приносит стабильного дохода, а вот когда начнется настоящая работа – тогда все образуется, и он сможет сделать ей нормальное предложение, с колечком, как в кино. И свадьбу, и белое платье. Надо только немного потерпеть. А сейчас самое время заняться делами и подать документы на заочный в педучилище, она же хотела?

Да, она хотела. Хотела в память о маме стать учительницей. Долго колебалась – училище или пединститут. Даже советовалась с Арсеном, на что он развел руками:

– Тебе решать. Я в это не вмешиваюсь.

И она с удивлением отметила: то, что ей сначала так нравилось – эта полная свобода в действиях – стало задевать и даже обижать.

– Арсен, смотри какую сковородку я достала!

– Отлично! – даже не взглянув.

– Арсен, мама Анжелы обещала мне дать рассаду – цветочки посадим.

– Молодец! – и ни единого вопроса – какие цветочки, где собираешься высаживать.

Он не ограничивал ее ни в чём, не интересовался, что у неё на работе. С тех пор, как они стали жить вместе, прекратились их долгие разговоры. Да и когда?

Она работает с утра, он – вечерами.

Влада с нетерпением ждала открытия купального сезона – тогда у них будут одинаковые часы работы, и они вечерами смогут быть вместе.

Она подала документы в педучилище – на заочный; поняла, что не сможет осилить и работу, и учебу в институте, и дом. Главное – получить диплом, выйти на достойную место, не вечно же ей убирать за постояльцами. Хотя привыкла, отношения со всеми хорошие, Лидия ею довольна. Но Влада понимала – это совсем не то, кем бы хотела видеть её мама.

В ответных письмах, которые она получила от Гули и тети Гали, были поздравления и просьбы сообщить дату свадьбы.

Сначала она хотела оставить письма с конвертами на столе, но интуиция подсказывала – Арсен не прочтет. И не потому, что нельзя читать чужие письма, а потому, что ему не интересно, что пишут ей самые близкие люди.

Даже по воскресеньям они почти не выходили из дома – несмотря на начало весны, ещё было ветрено и сыро.

Иногда Влада брала и воскресные смены, но все равно с грустью осознавала, что ей почти ничего не удавалось отложить: деньги уплывали, как песок сквозь пальцы, даже те деньги, которые ей удалось отложить, когда она жила в санатории, в крошечной комнатке со скошенной крышей.

Анжела, которая первое время донимала вопросами : ну, когда свадьба? Уже можно начинать шить платье? – отстала. К ним пришла новая горничная – Света, с которой они вместе бегали на танцы, обсуждали активно своих кавалеров, и Влада отошла на второй план.

Все шло совсем не так, как ей мечталось.

Арсен был постоянно чем-то озабочен, но ничего не рассказывал, а она и не спрашивала, чувствуя его настроение.

В начале июня начался купальный сезон, и Арсен с утра уже был на рабочем месте со своим напарником.

Приходил уставший и на предложения Влады пойти прогуляться, отвечал:

– Ты посиди с моё на этой каланче – вообще море возне-

навидишь.

В июле Влада поняла, что она беременна. Не знала, как сообщить об этом Арсену, потому, что они совсем не говорили о детях, кроме того первого разговора до ее переезда к нему. Боялась его реакции. Но, на удивление, известие, что у них будет ребенок, принял радостно: обнял и прошептал мечтательно :

– Вот и будет нас трое.

В доме стало сложнее в материальном плане – Арсен рассказал, что тяжело болеет его мама, и он вынужден высылать ей деньги.

– Кто же поможет, если не сын? – серьезно сказал он, и Влада кивнула в ответ.

Она ещё со стадии их знакомства знала, что отца у него нет, мама живёт в Туапсе, а домик, в котором они проживают, достался ему от умершей бабушки.

– Повезло мне – не надо платить за съём, – сказал он тогда и добавил:

– Если бы не это, я никогда бы не переехал в Сочи и мы бы с тобой не встретились.

В августе Арсен опять стал уходить вечерами. Объяснил, что обязан подрабатывать, что скоро появится малыш и расходов будет немало.

Влада записалась в городскую библиотеку, вечерами читала, а чаще гуляла по побережью, как когда-то, когда жила одна. Она охладела к ракушкам, которые насобираала це-

люю коробку и совсем не представляла, когда у неё будет возможность подарить их Гуле и Тимуру. Хотя, Гуля уже совсем взрослая и, навряд ли ей будут интересны ракушки.

Она больше, чем когда-либо, полюбила море и эти вечерние предзакатные прогулки, потому что знала – будущим мамам надо чаще гулять и дышать свежим воздухом. Искала куриных богов, приносящих счастье, и складывала их в свою тумбочку.

На работе никто ничего не спрашивал, но она постоянно ловила взгляды девчонок и шушуканье за спиной. А однажды Лидия попросила ее задержаться после смены.

Она не задавала никаких вопросов, а просто сообщила, что переводит Владу на другую должность, полегче.

– Работа канцелярская, на складе белья, ты у нас грамотная. Уверена, что справишься.

– Спасибо, Лидия Владимировна, – пробормотала она. – Я справлюсь, обещаю.

– Спасибо-то спасибо, – та пожала плечами. – На Самвела ты молиться должна трижды в день. Печется о тебе, как о дочери.

И она молилась, так как последнее время чувствовала, как трудно стало мыть ванны и туалеты, как хватает спину и хочется присесть, подложив подушечку под поясницу.

Они почти не пересекались с Арсеном, который в 7 утра уже был на рабочем месте.

Влада решила начать учебный год, а там видно будет. Ака-

демоутпуск она всегда успеет взять. Радовало, что учеба была не сложной.

А потом закончился купальный сезон, пришла осень – пасмурная, ветреная, а за ней и зима – когда размыт горизонт между небом и морем, когда ветром сносит громко кричащих чаек, когда волны превращаются в пенящиеся валы, совсем, как на картинах, и когда от пронизывающего холода не спасает куртка.

Стало не до прогулок, и вечера Влада проводила дома одна.

С января Арсен стал чаще по вечерам оставаться дома, жаловался, что подработка нестабильна.

На всякий случай он дал Владе телефон Павла – своего напарника. Объяснил – у него машина, если что – вмиг довезет в больницу.

– А ты? – она испуганно замерла, представляя, как едет в роддом рожать ребенка с совершенно чужим мужчиной.

– А он тебя там оставит и за мной поедет. Все мигом. Или ты думаешь родить за 20 минут? – он обнял ее, привычно положив руку на затылок, и она, как всегда, почувствовала знакомое тепло, растворяющее ее страхи и волнения.

– Ты не спеши волноваться, может, я вообще в этот вечер дома буду. А ночные подработки брать сейчас не стану, довольна? – он чмокнул ее в висок.

Влада кивнула. Арсен всё распланировал, обдумал заранее. И действительно, незачем волноваться, все будет хоро-

шо. А первые роды – они действительно не бывают быстрыми.

Она родила первого марта и, увидев впервые лицо дочки, поразилась сама себе: как она могла хотеть сына? Ей казалось, что они давным-давно знакомы с этой малышкой со светлым пушком на голове, крошечными пальчиками и расфокусированным взглядом светлых глаз.

– Красавица будет! – одобрительно покивала головой нянечка, забирая малышку после кормления.

– Она уже красавица, – прошептала Влада.

"Наш ангел", – Арсен нежно провел мизинцем по щеке младенца – нежной, как лепесток розы.

Из роддома он забрал их с помпой: машина, цветы для Влады, коробка конфет акушерке.

– Как хочешь назвать? – спросил коротко и тут предоставляя ей свободу выбора.

– Оля, конечно. Она пришла в этот мир первого марта, а мама ушла в эту дату. Оля, – повторила она. – В память о маме.

– Красивое имя, – похвалил Арсен. – Ольга Авакян. Звучит.

И начались будни. Владу завалили подарками – Лидия с Самвелом организовали. Наташили пеленки и распашонки, бутылочки, соски, погремушки. Кто-то отдал детскую кроватку и манежик, а Самвел от себя лично купил коляску.

– Хорошая девочка, – похвалил он. – Здоровья ей и родителям. А ты отдыхай, джана, расти дочку. Захочешь на работу вернуться – всегда место найдем для тебя. И учебу не бросай. Пусть трудно – все равно не бросай.

– Не брошу. Спасибо вам за всё, дядя Самвел.

– Ну-ну, – он обнял Владу. – Давай, мешать не буду. Но если что, помощь нужна какая – дай знать.

О рождении дочки Влада отправила телеграммы тётё Барно и дяде Вите с тетей Галей и вдруг подумала, что у неё больше никого нет на всем белом свете. В ответ получила письма с поздравлениями. Тетя Галя с дядей Витей ответили коротким письмом, а от Барно пришел пухлый конверт с несколькими письмами: от Гули, Малики, Барно и даже Ларисы Матвеевны. Была фотография всей семьи: Барно, Рашид, дети. Все серьёзно, почти не улыбаясь, смотрели в объектив. И ее Гуля смотрелась частью семьи.

– "Как рыба в воде", – вспомнила она слова мамы. – "А тебе другая вода нужна". И внезапно осознала, какая пропасть разделяет их маленький, полууснувший городок и Сочи – город-курорт, в котором жизнь кипит постоянно: днём и ночью.

В конце весны пришла телеграмма от тети Гали: "Толика больше нет".

Она не сразу поняла, о ком речь, а потом вспомнила : Толик, ну, конечно, это их сын, который практически не давал о себе знать столько лет.

Ошеломленная, она стояла с телеграммой в руке, не зная, что сказать, а потом собрала дочку и пошла в санаторий, к Самвелу Георгиевичу.

Тот замер, прочитав телеграмму, долго молчал, барабанил по столешнице, а потом поднял глаза:

– Мы с Виктором с детства дружили, я в Сочи лет пятнадцать как обосновался, а до этого в Адлере жил. И Толика хорошо помню, такой смышлёный пацан был, – он помолчал немного, а потом, хлопнув ладонью по столу, вполголоса произнес:

– Ехать надо! Ты со мной?

И, заметив сомнение в глазах Влады, добавил:

– На машине поедем, с удобствами, так что, дочку бери тоже. Тут недалеко. Ну, да ты знаешь. На день – максимум на два. Посмотрим по обстановке.

Это был тяжёлый визит. Виктор держался как-то, а Галя просто закоченела в своем горе и, лишь взяв на руки малышку, немного оттаяла.

– Красавица будет, – вполголоса повторила она слова нянечки из роддома. – Олюшка наша.

Самвел привез много продуктов, водку, быстро накрыли стол, выпили за память Толика.

Он погиб в аварии на заводе уже месяц назад, они не хотели сразу сообщать Владе.

– Да и не знала ты его, нашего мальчика, – со вздохом произнесла тетя Галя.

Мужчины сидели долго за столом, вспоминали прошедшие годы, свадьбу Гали и Виктора – первую свадьбу в их компании, рождение их сына.

К вечеру Самвел собрался домой.

– Останься у нас, Владочка, хоть на пару дней, погости, – попросила Галя.

Чувствовалось, что ей страшно оставаться наедине со своим горем и со своими воспоминаниями.

– Оставайся, если хочешь, – кивнул Самвел. – Я за тобой завтра машину пришлю.

– Оставайся, – поддержал Виктор, а потом добавил коротко:

– Дело есть.

За ужином говорили на посторонние темы, как будто старались плотно закрыть дверь за бедой, ворвавшейся в их дом.

А за чаем Галя сказала:

– Мы тут с Витей вот что надумали – хотим тебя к нам прописать. Квартира у нас хорошая, обжитая, с ремонтом. Кооператив. А мы уже немолодые, и к тому же – одинокие. Ты теперь, после того, что произошло, наша единственная родня. Ты да Гулечка. Но она далеко, – она вытерла уголки глаз. – А ты тут, рядышком. И малышка. Мужа твоего мы не видели, не знаем, – она вздохнула. – Расписались хоть?

Влада отрицательно покачала головой.

– А что так?

– Галя, не надо об этом, – вмешался Виктор. – Не наше это дело. У молодых понятия другие. Главное – ребенок есть. Живут в ладу. Что ещё надо?

– А почему не наше дело? Не чужая нам Владочка. И должно быть так, как должно. Распишитесь, деточка, – обратилась она к Владе. – И для дочки вашей это хорошо, и ты себя иначе почувствуешь.

Влада кивнула.

Она была благодарна, что тема свадьбы и ЗАГСа не поднималась, что ее никто не донимал и не расспрашивал. И только сейчас в полной мере поняла, насколько права тетя Галя.

– Ну, вот и хорошо, вот и ладно, – тетя Галя посмотрела на часы. – Поздно. Идём, я тебе постелю.

Домой она вернулась к вечеру следующего дня с напутствием от тети Гали:

– Пропиской прямо на днях займемся. Если что, помни – здесь твой дом, где тебя ждут.

Её наполнило теплое чувство благодарности – такие же слова сказала ей на прощание Барно-опа. И было невыразимо приятно, понимать, что есть на земле люди, которые ей всегда рады.

Дома, уложив дочку, она долго думала, рассказать ли Арсену про квартиру. Решила пока ничего не говорить.

Арсен вернулся под утро и спал до полудня. Проснувшись, ничего не спросил про её поездку в Адлер, словно во-

обще не обратил внимания, что их не было дома два дня. Рассеянно поцеловал Владу, наклонился над кроватью дочери, позавтракал, сообщив, что в начале следующей недели выходит на свою основную работу – на пляж.

Влада, глядя на его осунувшееся лицо с темными кругами под глазами, понимала – что-то происходит. Спросила: всё в порядке? В ответ слышала привычное: всё нормально.

Пыталась поговорить ближе к вечеру, но наткнулась на непривычно-резкое:

– Я занят, убегая. Вернусь поздно.

Влада вздохнула – этого он мог бы не говорить: он всегда возвращался за полночь, когда она уже спала.

А совсем скоро начался купальный сезон, и вечерние подработки прекратились. Но тревога не сходила с лица Арсена. Порой Владе казалось, что он готов ей что-то рассказать, но он молчал.

А потом просто исчез.

Не вернулся с работы вечером, в привычное время. Утром Влада уже была на пляже. Павел был на спасательной вышке один. На вопросы Влады только пожал плечами: понятия не имею, вчера отработали, разошлись по домам. Больше ничего не знаю. Сам не понимаю, почему Арсен не вышел с утра на работу.

Влада кинулась к Самвелу. Сбивчиво рассказала о происшедшем, повторяя, как мантру:

– С ним такого никогда не случалось. Никогда. Он дома

всегда вовремя.

– Погоди, джана, волноваться пока рано. Может, к родителям поехал?

– У него мама в Туапсе. Но он к ней не собирался и мне ничего не говорил.

– А вдруг что-то с мамой стряслось и надо было выехать срочно? Такое тоже бывает.

Влада почувствовала, как готовы пролиться слёзы, которые она сдерживала с таким трудом.

Даже если надо было срочно выехать в Туапсе, неужели он не должен был ей об этом сообщить? Кто она для него – просто соседка? А о дочке он подумал?

Самвел обнял её за плечи:

– Успокойся, рано с ума сходить, молоко пропадет, что малышка есть будет?

А потом добавил серьёзно:

– Я попытаюсь пробить по своим каналам. Как выясню – сразу дам знать. Иди домой и береги себя и дочку.

– Может, в милицию? – с надеждой спросила Влада.

– С милицией подожди. Не к спеху.

Через несколько дней Самвел навестил её, хмуро сообщив, что все его попытки выяснить местопребывание Арсена ни к чему не привели.

– Тупик какой-то, – он замолчал, привычно барабанив пальцами по столешнице. – Но то, что жив-здоров муженёк твой – это точно. Случись что – знали бы, – он задумался,

помолчал, прихлопнул раскрытой ладонью по веселой клеенке в мелкий цветочек. – С деньгами у тебя как? – он поднял глаза на Владу.

– С деньгами... Хватит на первое время, – она метнулась к металлической банке, стоявшей на полке.

Банка была пуста – лишь на дне завалилась трёхрублевая бумажка. Влада чувствовала, что её сотрясает озноб – здесь лежали остатки денег, которые ей удалось скопить, пока она жила в санатории. Совсем небольшая сумма, но это были деньги, на которые можно было продержаться какое-то время. Мгновенно память вытолкнула на поверхность другое воспоминание – ту страшную ночь, когда в их дом ввалился пьяный отец, а она сбежала к соседям. И банка под кроватью с ее сбережениями, которую нашли пустой.

– Всё ясно, – голос Самвела вернул ее к действительности.

– Что, что ясно? – прошептала Влада.

– А то, что всё в порядке с твоим Арсеном. Жив-здоров где-нибудь за Уралом.

– Но почему?

– Почему? – Самвел задумался. – Зачем тебе это? Сбежал он, как шакал трусливый сбежал. Забудь. Лучше подумай, как ты жить будешь. Останешься здесь? Вернёшься домой? Хочешь на работу вернуться – приму, а дочку в ясли отдашь. В общем, думай, решай. Это тебе на первое время, – он положил на стол сторублевку, поставив сверху стакан. – Пошёл я.

Влада долго сидела, не в силах ни о чем думать, словно разом потеряв способность оценить ситуацию и принять хоть какое-то решение. Одно она понимала чётко – ни в какую милицию она обращаться не станет. Прислушиваясь к себе, она не находила ни злости, ни ненависти. Мучил лишь один вопрос: что могло случиться, чтобы Арсен ушёл вот так, не сказав ни слова, не оставив записки, забрав последние деньги и оставив её одну с малышкой. И это чувство беспомощности и неизвестности вытесняло боль и обиду.

"Сбежал, как трусливый шакал" – эти слова Самвела не давали ей покоя и сидели в голове не отпуская, пока она занималась рутинными делами: готовила, купала и кормила дочку, прибирала на кухне и стирала.

Сбежал. Куда? От кого? Зачем?

Она подозревала, что Самвелу известны ответы на все эти вопросы, но тогда почему он не сказал ей ни слова?

Влада чувствовала, что от всех этих мыслей и догадок просто сходит с ума. Пропал аппетит, она стала плохо спать, а днём валилась от усталости. Денег, которые оставил ей Самвел, хватит ненадолго и надо решать, что делать: возвращаться домой или оставаться в Сочи. Тогда надо отправлять Олюшку в ясли и выходить на работу.

Есть ещё вариант – Адлер. Но свалиться на голову уже немолодых людей с маленьким ребенком? Не на день или два – навсегда. Влада не была уверена, что это правильно. Написать им и рассказать о случившемся она тоже не реша-

лась – у людей полно своего горя, и не вправе она грузить их своими проблемами.

Она как-то резко осознала, что одна, совсем одна и не с кем посоветоваться, не к кому прислониться. Внезапно вспомнила, что уже пару дней лежит на подоконнике письмо, подписанное Гулиным почерком – не было ни времени, ни желания прочитать.

Она нехотя распечатала письмо, прочла, перечитала несколько раз, не веря и отказываясь понять.

Письмо было от Барно и писала она достаточно буднично о вещах, которые невозможно было переварить.

У них новые соседи, пара с тремя детьми. Вроде приличные люди. Дом они купили, по их словам, у очень серьезного человека, вдовца, который не может жить в стенах, полных воспоминаний. Документы в порядке – Рашид все проверил.

"Пишу тебе, чтобы ты знала, доченька. Спросила у них координаты продавца – не знают. Только имя и фамилию."

А дальше, совсем в конце письма:

"Гулечка уехала в Ташкент. Хочет учиться на художницу или модельера. Будет решать уже на месте. Если поступит – получит общежитие. Обещала писать. Ты за неё не волнуйся, она не пропадет – с характером. Колечко, что от Ольги осталось, с рубинчиком, я ей отдала. У нас все нормально. Старимся. Дети растут. Скоро будем нянчить внука или внучку – кого Аллах пошлёт."

И в заключении – приветы от всех и просьба присылать

фотографии.

Влада читала письмо, вытирая слёзы. Она чувствовала себя утлым суденышком, которого сорвало с якоря и волей судьбы занесло в открытое море.

Да, у них с Гулей был дом, земля, садик с фруктовыми деревьями и гамаком. Цветы на кухонном подоконнике и яркие половички, создававшие в доме атмосферу праздника. Её комната, её книги. Место, куда можно было вернуться в любой момент из любой точки земного шара. Всё это досталось чужим незнакомым людям. И теперь их дети будут расчищать дворик от снега, поливать летом деревья из шланга, свернувшегося змейкой в сарайчике. А через пару лет эта незнакомая женщина будет собирать урожай вишни и варить душистое варенье. То, о котором так мечтала мама.

Влада с детства слышала от мамы – беда не приходит одна – и сейчас смогла полностью убедиться в точности этих слов.

Это случилось через несколько недель после исчезновения Арсена. Она по-прежнему валилась с ног днём и очень плохо спала ночью: часто просыпалась, прислушиваясь к темноте за окном.

В тот вечер, уложив дочку, она неожиданно быстро заснула. Проснулась, как от короткого толчка. Села, прислушалась к странным звукам, словно кто-то возился с калиткой. Потом стало тихо на какое-то время, а ещё через несколько минут в дверь постучали.

Влада застыла за запертой дверью, не решаясь спросить "кто там".

– Открывай, – голос тихий, с хозяйскими интонациями.

Рука сама потянулась к ключу. Это, наверняка, от Арсена, но почему ночью? Надо открыть, чтобы не разбудили Олюшку.

В комнату вошли двое, даже не вошли, а просочились каким-то непостижимым образом. У Влады было ощущение – не открой она им дверь, они всё равно бы зашли, материализовались бы в ее доме. Один закрыл дверь, другой легко и одновременно сильно оттолкнул её к противоположной стене. Она не упала, с трудом удержавшись на ногах, чувствуя бие-

ние сердца. Темная одежда, темные очки, короткие стрижки.

– Дома? – тот, что повыше, кивнул в сторону спальни.

– Кто? – Влада чувствовала, что цепенеет, возвращаясь воспоминаниями в ту августовскую ночь, когда мама лежала на обследовании, а Гульнора осталась ночевать у соседей. Тогда она сумела сбросить с себя наваждение и лёгкой пружинкой вылетела в окно. Здесь на окнах стояли старенькие, местами проржавевшие решетки.

– Кто-кто, муж твой, – нетерпеливо произнес тот, что пониже.

Влада, скользнув по стене, загородила собой дверь в спальню, в которой спала дочка.

– Его нету, – пробормотала она. – Здесь только дочка, она совсем маленькая.

Тот, что повыше, сделал пару шагов по комнате, оглянувшись по сторонам.

– Нету его здесь, – констатировал он коротко.

– Его, может, и нет, а девчонка здесь, блондиночка к тому же, – хищно усмехнулся второй. – Такой, значит, расклад.

– Расклад такой, да карта не твоя, – мрачно произнес высокий. – Губу закатай и руки убери. Это Самвела девчонка, он ее опекает, а нам проблемы на ровном месте ни к чему. С его связями – зароят и место не пометят. Уходим.

Он оглянулся на Владу, замершую в тонкой ночнушке у двери в спальню.

– Объявится твой – скажешь, что друзья его ищут. Долги

отдавать надо. А не отдавать – так отрабатывать. Чтоб не жалеть потом. Так и передай.

Они вышли так же внезапно, как и зашли. Владу была крупная дрожь, и все происшедшее казалось ей абсолютно нереальным.

Какие друзья, какие долги? На часах было четыре утра, она выпила воды из-под крана, легла, но заснуть больше не удалось.

Утром, накормив малышку, она поспешила в санаторий, к Самвелу Георгиевичу.

Тот выслушал хмуро, привычно барабанил пальцами по полированной столешнице.

– Уходить тебе надо, джана, уходить. Те, кто приходил – это так, шестерки. А другие церемониться не станут. Ладно бы одна была, а то с дитем. А дитё оно по рукам и ногам вяжет. Домой не хочешь? – неожиданно спросил он. – У тебя там, вроде, домик. Дочку поднимешь. Учиться заочно везде можно – документы перевести по месту жительства – всех делов-то. А там, глядишь, на работу нормальную выйдешь, замуж выскочишь.

– Мне некуда ехать, – Влада почувствовала, что больше не в силах сдерживать слезы. – Отец продал наш дом, – она положила письмо от тети Барно на стол. Самвел читал молча, качая головой.

– Да, влипла ты по всем статьям, джана. Ну, да ничего. Из любого положения выход есть. Из любого. И всё к лучшему.

Дочка на чью фамилию записана? На его? А ты на отцовской, как я понимаю?

Влада молча кивнула.

– А матери твоей как фамилия?

– Ковальская.

Самвел задумался, а потом медленно произнёс:

– Ты мне адрес соседей своих оставь, я сам им напишу. Документы кое – какие надо будет выслать. Сменим тебе и малышке фамилии. Влада Ковальская. Это звучит как-то более правильно. Что скажешь?

Влада кивнула, улыбнувшись сквозь слезы.

– И вот ещё. Перебейся-ка ты сюда. Комната твоя пустует. А дочка твоя смиренная, не пикнула за все время. Разместитесь, не дворяне. Днём в яслях будет, а ты на работу выйдешь. Лидия тебя ждёт-не дожидется. Талоны тебе на питание постараюсь организовать, все меньше расходов. А деньги не транжирь, откладывай. Деньги – они ответ на многие вопросы, – добавил он задумчиво. – На многие...

– Спасибо большое, Самвел Георгиевич, но я домой. С малышкой трудно переезжать – столько вещей. Да и дом оставлять не хочется. Цветы надо поливать. И вообще – вдруг Арсен вернется – а нас нет? – Влада с надеждой посмотрела Самвелу в глаза.

– Не вернется он. И то, что убежал – не видел выхода другого. И, наверняка, не подумал, что к тебе придут. Я его отца знал. И он парень неплохой, иначе он бы на нашем пляже не

работал. Но жизнь такова, что надо думать, джана, думать, к чему наши действия могут нас привести. Вот так, – он ударил раскрытой ладонью по столу и повторил тихо, но твёрдо: вот так.

Помолчал немного и добавил:

– Ладно, я к тебе пришлю Дато, он калитку поправит и замок новый врежет. А ты никому не открывай, чтобы не говорили. Это так, пока. А вообще у меня насчёт тебя план есть. Если получится – будешь мне благодарна. А пока займись яслями. Тут, на соседней улице, возле гастронома. Спросишь Валентину Павловну, скажешь от меня.

– Спасибо большое, Самвел Георгиевич.

– Ладно, ладно, потом спасибо скажешь, если все получится. Иди, дел полно.

Дато – смешливый грузин лет 45 – укрепил калитку металлическими рейками, врезал новый замок и щеколду. Потом критически осмотрел свою работу.

– Смотри, калбатано, работа у меня хорошая, качественная, можно сказать, работа. Спроси в Сочи, кто такой Дато – любой скажет. Только вот смысл этой калитки, – он задумчиво почесал затылок. – Если так, для порядка – это хорошо. А если прячешься от кого... Помнишь фильм был, девчонка там, три пацана и песня: спрячь за высоким забором девчонку – выкраду вместе с забором. А ты на Кавказе, не забывай! Вот то-то! Ну ладно, пошёл я. Попить дашь на дорожку?

Влада, купала дочку, укладывала её спать и всё время ду-

мала над словами Дато. Самвел ничего ей не рассказал и не объяснил, но она понимала – Арсен влип в какую-то нехорошую историю, он должен деньги, много денег. И пришли за этими деньгами к ней. И если вздумают прийти ещё раз – никакие калитки и никакие замки не спасут и не помогут. Она вспомнила слова соседки – Шахнозы-опа, слышанные ею в детстве: бежать ей надо. Это было сказано о её маме. А сегодня о ней самой сказал Самвел: уходить тебе надо, уходить. А уходить некуда и не к кому. Кому она нужна с такой малышкой на руках?

Она долго не могла заснуть, вслушиваясь в темноту за окном, которую нарушал только монотонный звон цикад.

На следующий день Влада была уже по адресу, данному Самвелом, и определила дочку в ясельки.

– Ты как хочешь – на шестидневку? – спросила Валентина Павловна.

– Нет, что вы, – Влада даже вздрогнула, представив, что увидит дочку только в воскресенье.

– Ну, спросить-то я могу. Коллектив у нас хороший, детей любят. Сейчас многие на шестидневку записывают, обстоятельства у людей разные, – Валентина Павловна вздохнула. – Ну, да ладно. Давай свидетельство о рождении. Так, Ольга Авакян.

– Нет, запишите, пожалуйста, Ольга Ковальская, – Влада замялась под взглядом директрисы. – Просто я ... просто мы очень скоро меняем фамилию и переходим на фамилию мо-

ей мамы – Олиной бабушки.

– Не положено, – Валентина Павловна строго сжала тонкие губы. – Не положено, – повторила с нажимом. – Мы детей записываем согласно метрике. Перепишешь её на Ковальскую – так и запишем, без проблем. А пока – Авакян. Погуляйте тут, осмотритесь. Место у нас хорошее, так просто и не попасть. Определяю вас в младшую группу к Татьяне Васильевне.

Влада прошла с дочкой по помещению, познакомилась с воспитательницей, осмотрела двор, и всё это время её не покидала мысль о том, что Самвел фактически заменил ей родителей и что она у него в долгу на всю жизнь.

Через три дня Влада вышла на работу в санаторий, на склад белья. И все потекло, как раньше, до ее встречи с Арсеном, с одной лишь разницей – у нее была дочка, маленькое чудо, по которой она так скучала весь день, не понимая мам, отдающих своих детей на шестидневку.

Времени на учебу стало катастрофически не хватать, и ей пришлось оформить академотпуск.

Через пару месяцев Самвел Георгиевич вызвал её в кабинет и сообщил, что все документы оформлены, и теперь она – Влада Ковальская.

– Ты только в ЗАГС заскочи, расписаться там надо, – и добавил:

– Влада Ковальская – это звучит!

Влада кивнула. С какой радостью она поменяла бы и свое

отчество, чтобы полностью стереть то, что упрямо засело в её памяти и, похоже, навсегда.

Часть третья

1

Случилось всё достаточно неожиданно. Она тогда заканчивала восьмой класс. Планов особенно не было, выбора тоже. О десятилетке не мечтала – надо было идти работать, невозможно жить в семье, не участвуя в расходах. А потом она закончит какой-нибудь техникум или училище, приобретет специальность, но это в будущем, не сейчас.

Перед весенними каникулами в коридоре школы повисло красочное объявление о городском конкурсе рисунка.

На перемене к ней подошла Лариса Матвеевна:

– Ты видела?

Она кивнула равнодушно.

– Мы на тебя надеемся, Гуля.

– Но это, наверное, для малышей, – протянула она.

– Вовсе нет. Для школьников. Сбор рисунков в городской библиотеке. У тебя очень интересные работы, я помню, подбери что-то. Или нарисуй что-то новое. Хочешь – принеси мне, а я уже передам. Так будет удобнее.

Гуля кивнула – ладно.

После уроков зашла домой – там в ящике стола она хранила свои рисунки: синее море, белый пароход, закаты. Все это сегодня казалось детским, немного наивным и смешным.

Она намного меньше рисовала в последнее время. Разве только карандашом в тетрадках. Покупать краски и альбомы было не на что. Просить у Барно – невысказано. Она собирала открытки с морскими пейзажами, которые присылала ей Влада, хранила их вместе с письмами от сестры. Но морская тема её больше не привлекала. И в скупых набросках и эскизах, сделанных карандашом, оживало то, что окружало её ежедневно: их махалля, дворики, заборы и распахнутые калитки, дорога в школу, деревья, замершие под снегом или усыпанные плодами, их пустырь с высокой травой и россыпью одуванчиков.

На следующий день Лариса Матвеевна вызвала её в кабинет, вручила краски и пачку ватмана.

– Ты уж нас не подведи, Гулечка. Лучшие работы пойдут на областной конкурс, а потом на республиканский. Это большая честь – представлять наш город, – она замолчала и тихо добавила:

– Ольга была бы рада.

– А если я не... – растерянно протянула Гуля.

– В победу надо верить, девочка. Это важно всегда и везде. Я в тебе не сомневаюсь. Можно подавать три рисунка. Иди, работай, рисуй.

Гуля сама удивилась, как послушно легла в руки кисть,

как будто не было этого перерыва. Она чувствовала, что манера её письма изменилась – стала более строгой, лаконичной: она стала рисовать красками в скупой манере карандашных эскизов.

Под короткими мазками оживала жизнь их махалли, их городка: цвели деревья, возилась в пыли ребятня, качался гамак в их дворике и о чем-то спорили желтоглазые скворцы – майны. После школы Гуля, наскоро пообедав, бежала в свой дом и пропадала там до вечера. Она чувствовала себя, как путник в пустыне, наконец-то добравшийся до спасительного колодца. О темах и сюжетах не думала – рисунки рождались сами, словно кто-то водил её рукой с кистью по белому листу.

За неделю она использовала всю бумагу и, поняв это, почувствовала, что её оторвали от спасительной влаги, дарующей жизнь.

Долго решала, что выбрать, а потом отнесла все рисунки Ларисе Матвеевне. Та разложила их на своем столе, предварительно освободив его от всего того, что громоздится на столе директора школы.

Долго рассматривала рисунки, не глядя на Гулю, а потом обняла ее за плечи и заплакала.

Её рисунки прошли на областной конкурс, а потом на республиканский.

К этому времени Гуля с Дилей уже работали на швейной фабрике.

А ближе к новому году к ним пришла Лариса Матвеевна и молча дала в руки газету. Небольшая статья, обведенная карандашом с заголовком

"Наши таланты".

И её имя – Гульнора Исмадова – лауреат республиканского художественного конкурса.

Гуля почувствовала, как мелко дрожат руки и прыгают, сливаясь, газетные буквы.

– Поздравляю, дорогая! У тебя получилось! Я так рада! Твой диплом в дороге. Скоро, – добавила она многозначительно.

В выходной Барно в честь такого события затеяла праздничный стол. Лариса Матвеевна тоже была приглашена. Она пришла не одна, а с мужчиной средних лет, представившимся корреспондентом республиканской газеты и попросившим называть его Усман-ака.

– Вот, приехал интервью брать у вашей художницы, – он улыбнулся и этой улыбкой расположил к себе все семейство Рахимовых.

– Интервью или что там, не знаю, это потом, а пока к столу, гости дорогие. Плов ждать не будет. Давайте, пока горячий.

Корреспондент оказался действительно приятным, он расспрашивал обо многом, но как-то искусно избегал ненужных тем, могущих поставить Гулю в неловкое положение.

Лишь один раз произошла заминка: Тимур тоже принес

показать свой рисунок, в уголке которого была неуклюже выведена его фамилия.

– Так ты Рахимов? – удивился корреспондент.

– Ну, да, мы тут все Рахимовы, – Тимур сделал жест руками, словно пытаясь заключить в объятия всю семью, включая Ларису Матвеевну.

После небольшого замешательства Усман, желая сгладить неловкость, с улыбкой поинтересовался:

– И все рисуют?

– Да, нет, только мы с Гулей, – снисходительно улыбнулся мальчик, вызвав взрыв хохота всех сидящих за столом.

– Гуля, а чем ты сейчас занимаешься? – спросил Усман.

– Работаю, мы с Дилей вместе работаем, на швейной фабрике. Уже с лета.

– И как, нравится?

– Да, нормально. Моя мама тоже хорошо шила. Нам с сестрой, – она замолчала, задумавшись.

– А чайку, Усман-ака, горяченького.

Барно водрузила на стол огромный пузатый чайник, поставила пиалушки.

– Вот, пирог сладкий, попробуйте.

Она разрежала пирог на аккуратные кусочки.

– С вишней.

И добавила с грустью:

– По Ольгиному рецепту.

Все пили чай, хвалили пирог и домашнее варенье, бол-

тали о погоде – какой бесснежной и ветреной выдалась эта зима. Лариса рассказывала смешные истории из школьной жизни. Расходиться не хотелось.

– А интервью? – вдруг спохватился Рашид.

– Да, и так всё понятно, – улыбнулся Усман. – Один вопрос у меня: что дальше? Чем заниматься собираешься? Учиться думаешь? Ты очень способная, я твои рисунки видел.

И добавил, обращаясь ко всем и ни к кому конкретно:

– Любой драгоценный камень нуждается в огранке. Только тогда он заиграет и раскроет всю свою красоту. Ты, Гульнора – самородок. Такие люди нечасто рождаются. Им талант сверху даётся и таким талантом разбрасываться нельзя. Его надо развивать.

Гуля пожала плечами. Она просто любит рисовать. Вот и всё. Какой талант, какой самородок?

– Поступать ей надо. Учиться. В Ташкенте прекрасное художественное училище есть. Победа в республиканском конкурсе – это прямая путёвка. Насчёт общежития похлопочу, если надо будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.